ОСЬ

РАЗЛОМ

КНИГА ПЕРВАЯ

ВАЛЕРИЙ БУЯНОВ

Ось

Валерий Буянов

Разлом

«Автор»
2026

Буянов В.

Разлом / В. Буянов — «Автор», 2026 — (Ось)

Человечество вышло за пределы Солнечной системы, но звёзды не избавили его от старых пороков. Встреча с другими цивилизациями принесла не только великие открытия, но и межзвёздные конфликты, хрупкие союзы и бесконечную борьбу за влияние.На отдалённой человеческой колонии происходит жестокая резня. Подозрения падают на враждебную человечеству расу, но в ходе расследования обнаруживается, что за очевидными ответами скрывается куда больше вопросов.«Разлом» — первая книга космической саги «Ось» о цивилизациях, разделённых враждой и политическими амбициями, которые продолжают борьбу за власть, территории и собственное будущее. Ведь даже перед лицом общей гибели договориться порой оказывается сложнее, чем развязать войну.

© Буянов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
Глава 2 16
Глава 3 28
Глава 4 34
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Валерий Буянов
Разлом

Пролог

Нора вышла на крыльцо и оглядела окрестности. За соседскими домами тянулись теплицы, за ними — ровные полосы полей. Вечернее солнце уже клонилось к горизонту и освещало дальние посадки. Второе светило ещё не взошло. На склоне за фермой стояли столы для праздника, и возле них кто-то возился с навесом.Судя по тому, как навес то вставал, то заваливался набок, возился с ним старый Хэллен, а судя по тому, что долетало до крыльца, возился уже давно.

— Да стой же ты, зараза! — донеслось со склона.

Нора улыбнулась.

В детстве Нора была уверена, что никогда не полюбит это место. Даже смешно: другого-то она не знала. Солвей казался ей унылой колонией на краю обитаемого космоса, где взрослые только и делали, что обсуждали посадки, перебои с водой и следующий грузовой рейс. Теперь ей нравилась здешняя размеренная жизнь, хотя иногда она всё ещё представляла, как жила бы на другой планете, не занимаясь сельским хозяйством днями напролёт.

Её семья прилетела на Солвей около сорока лет назад, с первыми переселенцами. Когда Нора родилась, Риверфолд — основное поселение колонии — был ненамного больше городского квартала: несколько улиц под небольшим куполом. За его пределами по-прежнему не было ничего живого. Камень, пыль и огромные терраформирующие машины, медленно готовившие для людей следующую полоску земли. Раз в пять лет границы отодвигались, появлялись новые участки под жильё и посевы.

Сегодня дальний край купола терялся за горизонтом, а фермы занимали столько земли, что Нора не знала названий и половины из них. Риверфолд увеличился и стал административным центром всей колонии, которая насчитывала уже более сорока тысяч переселенцев. Хотя едва ли можно назвать переселенцами тех, кто родился на этой планете. Как-никак некоторые из них уже были солвейцами в третьем поколении.

На сцене голограмма администратора колонии эмоционально рассказывала про выполнение очередной «пятилетки», расширение границ и победы человечества над силами природы при создании обитаемой среды на изначально безжизненной планете.

«Интересно, — подумала Нора. — Победа — это же когда есть противоборствующие стороны и они пытаются друг друга обыграть. А можно ли назвать это победой, если тебе не оказывают сопротивления?»

— И вместе мы приведём нашу колонию к процветанию! — подпрыгивая и взмахивая пухлыми ручками, провозглашала голограмма.

Нора усмехнулась. До процветания Солвею было далеко. Богатых запасов полезных ископаемых ему не досталось. Здесь нет ни топлива, ни воды, ничего, кроме голого камня. Зато почти никогда не бывает ночи и климат одинаково мягкий на всей поверхности. Света и тепла для посевов хватало. С почвой и водой было куда сложнее, и продовольственная колония расширялась лишь по мере терраформирования.

— Галактический Совет узнает о ваших достижениях.

Ну не надоело ему? Галактический Совет — так себя называют эти напыщенные снобы, которые произносят со сцены, как им кажется, вдохновляющие речи, чтобы мотивировать других работать. Сами-то они наверняка ни разу не держали в руках ничего тяжелее подушки.

Бабушка рассказывала ей истории, а иногда по вечерам они садились смотреть голографические фильмы про жизнь людей на других планетах. Нора помнила, как в этих фильмах одни люди работали на хлопковых плантациях, а другие устраивали шикарные балы и приёмы. И они, пожалуй, ни разу в жизни не занимались по-настоящему тяжёлым трудом. Судя по всему, есть что-то неизменное в устройстве этого мира: большинство всю жизнь трудится ради блага кучки самодуров, которые называют себя «народными избранниками». Ага, конечно.

— Нора, всё в порядке? — раздался голос у неё за спиной.

Она хотела бы слышать этот голос каждую минуту, но сейчас вздрогнула от неожиданности. Она обернулась. Эван стоял с чашкой кофе и расслабленно смотрел на неё.

— Да, просто задумалась…

— О чём же?

— Да так… Знаешь, я всю жизнь прожила тут и не видела ничего, кроме Солвея. Да и на Солвее — только крошечный кусок. И я просто думала, как бы сложилась моя жизнь, если бы мои бабушка с дедушкой не записались тогда в первооткрыватели и не полетели на том челноке, что высадился тут. Если бы они остались на Земле, а я родилась бы в каком-то многоярусном мегаполисе, где жизнь кипит, все куда-то спешат и…

— Ну-у, вероятно, мы бы никогда не встретились, — сказал Эван, хитро прищурившись. — Ты бы нашла себе какого-то щеголя или интеллектуала и жила с ним на верхних этажах человеческого муравейника, возможно, даже никогда не спускаясь на нижние ярусы, к земле.

— Звучит кошмарно. — Нора поёжилась.

Эван рассмеялся и обнял её за плечи.

— Держи кофе и пойдём. Шоу скоро начнётся. Займём места у бочонка, пока Сайласы всё не выпили.

Они с Эваном поженились шесть лет назад, почти сразу после окончания школы. Семья Эвана тоже была из первых переселенцев. Они выросли здесь и знали друг друга задолго до того, как начали встречаться.

Образцовым их брак Нора бы не назвала. Иногда ей хотелось, чтобы он был чуть внимательнее, иногда — чтобы перестал шутить и отнёсся к её словам серьёзно. Но он был для неё тем человеком, который всегда мог найти нужные слова или помочь делом в трудную минуту.

Нора забрала чашку, и они с Эваном пошли к сцене занимать места.

Сегодня на Солвее праздновали очередное расширение обитаемой зоны. Накануне инженеры закончили проверки воздуха и грунта на новых землях и перенесли границу купола. Для колонии это было знаменательное событие: вместе с новыми землями колонисты получали право на рождение детей. Так здесь избегали перенаселения. Поэтому на праздник съезжалась вся колония.

Проходя по улице, Нора отпила кофе и оглядела дома на другой стороне. Почти все они казались пустыми — скорее всего, жители уже собрались перед сценой. «Надеюсь, им не наскучили речи этого коротышки-председателя, который и сам улетел с Солвея, едва получил эту должность. Якобы он должен быть ближе к начальству», — подумала Нора.

Склон за фермой ещё освещало солнце. Между деревьями двигались люди, над столами зажигались гирлянды. На дальних посадках уже включили полив. Вода поблёскивала в косом свете заходящего солнца, по тёмно-золотому диску которого медленно скользил грузовой челнок.

Они с Эваном сели за стол перед сценой, у бочонка, и Эван был страшно доволен собой. Нора поставила чашку рядом. За соседним столом мать Эвана уже о чём-то спорила с Сайласом-старшим, размахивая вилкой.

Первые строки она пела почти вполголоса. Когда дошла до припева, над сценой зажглись золотые кольца. Они медленно поднимались, поворачиваясь в воздухе, проходили одно сквозь другое и рассыпались искрами.

Над молодыми деревьями появились фиолетовые огоньки. Несколько опустились к столам, остальные медленно плыли между ветвей. Нора следила за одним, пока он не скрылся за плечом Эвана, и подалась к мужу, чтобы снова его увидеть.

— Смотри, к нам летят.

Эван обернулся. Огонёк проплыл у него возле щеки, чуть задержался над столом и пошёл вниз. Нора протянула ладонь. Внутри светящейся точки переливались крошечные искры. Как это они сделали? Ведь совсем рядом, можно потрогать.

Но огонёк проскользнул между пальцами. Нора не почувствовала ничего. Ни тепла, ни холода. Совсем ничего, и это почему-то показалось ей странным, но додумать она не успела.

Она улыбнулась и повернулась за огоньком. За соседним столом хлопали, певица тянула последнюю строчку припева. Фиолетовый свет осветил лицо и руки мужчины напротив. Один из Сайласов, младший, Дэн, кажется. Он задолжал Эвану за насос с прошлой весны.

Он поднял руку, собираясь поймать огонёк, и замер. Нора ещё ждала, что он шевельнёт пальцами. Улыбка оставалась у него на лице, но кожа вокруг рта стала серой, и серость быстро поднялась к глазам. С щеки отделилась маленькая пыльная струйка. Мужчина даже не вздрогнул. Щека провалилась, рука над столом переломилась под собственным весом, и с неё посыпался пепел.

Нора отпрянула. На месте его рта ещё темнело отверстие, потом голова осела между плечами, а его одежда с тихим шелестом упала на землю. Пепел потянуло через стол. Она зажмурилась, чувствуя его на губах.

Это фокус. Это часть шоу. Сейчас все засмеются.

Никто не смеялся.

Когда она открыла глаза, гитарист на сцене качнулся вперёд в такт музыке, но его голова отделилась от туловища и задела струны, которые все ещё зажимали пальцы. Резко звякнул аккорд, и в этот же миг голос певицы оборвался.

Эван схватил Нору за руку и поднял со стула.

— Бежим в дом! Нора! В дом, быстро!

Она вскочила и побежала за ним, не понимая, что происходит, мёртвой хваткой обхватив его запястье. Пробегая между стульями, Нора услышала истошный крик. Женщину у соседнего стола разорвало надвое, и Нора отвернулась раньше, чем та упала.

Нужно бежать, как можно быстрее убраться отсюда, запереться в подвале и дождаться, пока этот кошмар закончится.

Эван уже вышел в проход и тянул её к себе.

За его плечом из дерева торчала человеческая рука. Пальцы скребли кору. «Это ненормально, такого просто не должно быть», — успела подумать Нора, а потом Эвана рвануло в сторону.

Её качнуло следом. Пальцы мужа разжались в её ладони.

Он упал рядом, возле ножки стола. Нора смотрела на него, продолжая сжимать его запястье. Она опустила глаза. Рука в её ладонях обрывалась у локтя, и из неё на грудь Эвана лилась кровь.

— Эван?

Он лежал на спине, запрокинув голову. Свет скользнул по его лицу, и Норе показалось, что у него дрогнула щека, но в тот же миг она отчётливо поняла, что он уже мёртв.

Надо спасаться,— подумала она. А потом: *Зачем? Какой смысл, если все вокруг умирают?*

Она разжала пальцы, и рука Эвана упала в траву. Нора потянулась к нему. Лучше сесть рядом. Просто сесть рядом и принять то, что будет. Она попыталась сделать шаг и не смогла. Её ступни…

Невозможно.

Ступней больше не было. Там, где должны были быть лодыжки, начиналась обычная земля. Нора будто вросла в неё и продолжала стремительно погружаться.

Нора дёрнулась всем телом. Столешница оказалась перед её грудью, трава касалась бёдер. Ноги оставались прямыми, она чувствовала, как напряглись мышцы.

Сквозь синюю ткань платья проступала земля. Нора судорожно провела ладонями по животу и задела сухие комья там, где только что была ткань. Они уходили в неё. Она попыталась оттолкнуть их, но пальцы тоже застряли в земле.

Эван лежал совсем близко. Глаза его были открыты, невидящий взгляд устремлён в небо.

Грудь сдавило. Нора раскрыла рот, но вдохнуть не смогла. Она вскинула подбородок, вытянула шею, пытаясь сквозь купол разглядеть звезды, но их не было видно.

Над сценой разошлась белая трещина и небо пронзили яркие световые столбы. Прозрачная оболочка купола в этом месте прогнулась. Большой осколок отделился, повернулся в воздухе. На нём скользнули огни гирлянды. Нора видела, как он рухнул на сцену, но грохот донёсся глухо, словно издалека. В рассеявшемся свете стояли фигуры, которые Норе показались смутно знакомыми.

Земля уже подпирала подбородок. Она попробовала повернуть голову туда, где лежал Эван. Во рту захрустело, и земля сомкнулась над её головой.

Потом её поглотила тьма.

Глава 1

Марк Рейн проснулся от головной боли. Вначале он даже не вполне осознал, что проснулся, скорее почувствовал, что находится в на грани между сном и бодрствованием, когда уставшее тело не в состоянии полноценно двигаться, одна часть сознания все еще хочет провалиться в сон, а другая стремится из него вырваться. Потом он явственно почувствовал боль, она накатывала короткими волнообразными приступами, которые иногда резонировали, вызывая особенно сильную вспышку, сопровождающуюся тошнотой. Он лежал, боясь открыть глаза, и молил богов, чтобы это прекратилось. Может, перевернуться на спину? Но стоило пошевелиться, как боль прострелила голову от затылка к переносице, а мир по инерции продолжил вращаться. Нахлынул приступ тошноты, и Марк едва сдержался, чтобы его не вывернуло наизнанку.

Господи, за что…

В ушах ритмично шумело, шум отдавался болью в голове, усиливая его и без того плачевное состояние. После очередного приступа Марк осознал, что у этого вида боли есть физический источник — стучали в дверь его капсулы с явным намерением добраться до него.

Боже, пусть они уйдут.

Марк с хриплым стоном приподнял голову, подавил накативший приступ тошноты, вытащил из-под головы подушку и накрылся ею сверху, прижав к ушам. Стало темнее и немного тише. Да, так гораздо лучше. Он даже успел забыться, но внезапно сон взорвался яркой вспышкой и на лицо хлынула холодная вода.

Он закашлялся, неуклюже взмахнул руками, выругался и открыл глаза. Перед кроватью стоял кто-то высокий. Гуманоид. Женщина. Марк щурился, пытаясь разглядеть её лицо, когда вода снова полилась из бутылки, теперь уже на грудь.

— Проклятье, хватит! Дай мне прийти в себя!

Женщина опустила руку. Эрин Восс. На ней была застёгнутая до шеи служебная куртка, прямые черные волосы до середины спины, собранные сзади в конский хвост, на плечах темнели капли дождя. Она посмотрела на остаток воды в бутылке и поставила её на столик рядом со вчерашним стаканом, в котором на дне ещё была янтарная жидкость.

— Одевайся, нас ждут в управлении.

— Иди к чёрту, я в отпуске! Скажи Хейл, что меня нет, и разбирайся со всем дерьмом сама.

— С Хейл об этом поговоришь. Она мне сказала привезти тебя в управление.

— Скажи ей, что я умер.

— Она сказала, тогда привезти тело.

— Очень смешно.

Напоследок она коротким движением сорвала с Марка одеяло и отшвырнула его на пол.

Марк застонал, выругался и глазами поискал браслет. Тот лежал на полу, возле раскрытого чемодана. Эрин, проследив его взгляд, наклонилась и подала ему браслет. Марк неразборчиво пробурчал, как ему показалось, слова благодарности и положил его на кровать экраном вниз.

Эрин прошла к двери, переступив через разбросанные по полу пустые бутылки и грязную одежду.

— Марк, как ты вообще тут живёшь? У тебя чистая одежда ещё есть?

Шумно выдохнув, он показал ей средний палец, затем указал им на шкаф. Она достала рубашку и брюки, бросила их ему на ноги и села в кресло. Марк медленно повернулся на бок, свесил ноги с кровати и позволил гравитации помочь привести себя в сидячее положение.

Потом он замер, ожидая, пока комната перестанет вращаться и его взгляд сможет сфокусироваться на предметах.

Комната постепенно обрела знакомый вид. Широкое окно, низкий шкаф, тёмное пятно на потолке, оставшееся после старой протечки. Его квартира на Мерроу. Он вернулся позавчера, после семи месяцев разъездов, и всё ещё не разобрал чемодан. Видимо, возвращаясь ночью из местного бара изрядно выпившим, он зацепил ногой вещи и раскидал часть из них по полу.

Марк знал, как алкоголь действует на людей, кто-то под его действием становится раскрепощённее, кто-то выплескивает агрессию, а Марк чувствовал, как его тело начинает все неохотнее откликаться на нервные импульсы, хотя сознание сохраняет ясность, а потом, как в эффекте туннельного зрения, чувства притупляются, сжимаются до узкого набора базовых функций, после чего наступает полное спокойствие, абсолютная тишина в голове, когда его собственный разум перестает его пожирать. Последнее время он стал чаще прибегать к этому средству.

За окном шёл дождь. Сквозь размытые полосы на окне было видно соседний дом. Под его открытой галереей расставляли столики. Человек в фартуке передвигал их подальше от дождя, а над ним, на уровне верхних этажей, медленно проходили пассажирские платформы. Их огни расплывались в мокром стекле.

Чёртова погода.

Марк встал с кровати и, держась за стену, прошёл в крошечную ванную.

В ванной пахло старыми тряпками и нагретой сушильной решёткой. Марк долго пил, наклонясь к крану, потом умылся и исподлобья взглянул на себя в зеркало, держась руками за край умывальника. Опухшие веки, под глазами лежали серые тени, волосы слежались и слиплись в сальные пучки, на щеке отпечатался край подушки. Он поднял руку и медленно провёл ладонью по шершавой щеке.

Чёрт, сколько же я пил?

Постояв некоторое время, прикрыв глаза, он выпрямился и еще раз взглянул на себя в зеркало.

Жалкое зрелище. К чёрту всё.

Пока он неуклюже одевался, на браслете открылось сообщение Клэр.

«Ты вообще живой?»

Оно пришло вчера, ещё до того, как он начал пить. Марк тогда решил, что у него нет времени на разговор. Но, как это иногда бывает, вначале он откладывал общение, потому что были какие-то важные дела, а потом… потом просто прошло уже столько времени, что отвечать было как-то неудобно. Проще и легче было сделать вид, что ничего нет, и напиться. У выпивки, по крайней мере, было одно неоспоримое достоинство. Она позволяла на несколько часов остановить паршивые мысли, которые постоянно витали в его сознании, стоило ему только остаться наедине с собой.

Ладно. К чёрту всё.

Он выдохнул, погасил экран и вышел.

Эрин все еще сидела в кресле у окна, положив ладони на колени. Она подняла глаза, услышав его шаги.

— Потрудись объяснить, зачем ты вытащила меня в такую рань в мой отпуск по рабочему вызову, — сказал Марк охрипшим и всё ещё немного заплетающимся с похмелья голосом, случайно пнув носком ноги пустую бутылку, которая покатилась по полу и со звоном ударилась обо что-то под креслом.

Эрин внимательно смерила его взглядом. «Ну и ну, наверно, он хотел бы казаться грозным», — подумала она. Она знала, каким он бывает, когда злится, но это… Жалкое зрелище.

— Одна из колоний перестала отвечать. Больше мне ничего не сообщили. Кстати, у тебя пуговицы криво застегнуты.

Она встала, и Марк, выругавшись пошатываясь пошёл за ней, на ходу перестегивая пуговицы рубашки.

* * *

Дождь залетал под навес посадочной галереи. У края белела полоса разметки, за ней открывался провал между домами. Внизу, на пешеходном уровне, в лужах горели огни лавок. До Марка донёсся гул грузового подъёмника, и он невольно посмотрел в сторону старого порта. Вид отсюда оставался прежним: ряды плоских крыш, тяжёлые арки перегрузочных эстакад и тёмные башни за ними. Только на ближайшей крыше теперь был сад. Невысокие деревья качались под дождём там, где до его отъезда стояли грузовые контейнеры.

— Когда это они успели? — спросил он.

— Что?

— Деревья. Там были контейнеры.

Эрин посмотрела на крышу.

— Месяца три назад. Об этом во всех лентах было. Городская программа озеленения. «Мерроу дышит».

— «Мерроу дышит», — повторил Марк. — Господи.

Эрин открыла капсулу. Марк сел, втянул ноги и с облегчением дождался, пока сомкнулась дверь. Внутри пахло влажной курткой и пластиком. Капсула отступила от края, пропуская встречную платформу, затем вышла в поток. Он всё ещё не понимал, что происходит.

— Какого чёрта, Эрин? Из-за потерянной связи меня вызывают из отпуска? Какая-то колония перестала отвечать, и что с того? Связь постоянно барахлит.

— Господи, Марк, я сама не знаю! — раздражённо ответила Эрин, морщась от запаха перегара. — Хейл передала мне сообщение по закрытому каналу час назад и сказала привезти тебя любой ценой.

— Любой ценой. По закрытому каналу. Из-за связи.

— Я понимаю, как это звучит.

— И всё равно припёрлась ко мне с бутылкой воды.

— Марк, я знаю тебя шесть лет.

Марк дыхнул в руки, поморщился и отвернулся к окну.

Чёртова выпивка

Надо просто расслабиться и постараться хотя бы немного отдохнуть.

Они неслись над старой частью города. Здесь здания стояли теснее, посадочные галереи почти касались друг друга, и поток двигался медленно. На нижних уровнях под прозрачными козырьками спешили люди. Между двумя домами открылась небольшая площадь с деревьями, залитыми дождём скамейками и пустым летним кафе.

Эрин свернула к служебному коридору движения. Огни на панели загорелись зелёным, и соседние платформы начали уходить вниз. Марк откинулся на спинку. В тепле снова клонило в сон, но с закрытыми глазами становилось хуже.

— Не выспался? — спросила она.

Он поморщился и показал ей средний палец.

Эрин мельком посмотрела на него. Её рот тронула слабая улыбка, но она ничего не сказала. Марк поудобнее устроил голову на подголовнике и оставшуюся часть пути до управления старался привести мысли в порядок.

* * *

В приёмной было жарко. За невысокой перегородкой разговаривали по связи, пахло кофе и каким-то ароматизатором. Марк снял куртку и задержался у настенного шкафа, пока Эрин получала допуск. Раньше здесь стояла длинная скамья. Теперь на её месте висел экран с внут-

ренними объявлениями, и присесть было негде. Марк прочёл два объявления, не запомнив ни слова.

Дежурная попросила оставить личные устройства. Он положил браслет в ячейку рядом с браслетом Эрин. Для обычного вызова такого порядка не требовалось. Марк ещё раз проверил, заперлась ли дверца, и прошёл в кабинет.

Полковник Элис Хейл стояла у экрана. На столе перед ней был активирован голографический экран с какими-то чертежами, который она сразу закрыла, едва они вошли в кабинет. В помещении было тише, чем в приёмной. Дождь барабанил по высокому окну, за которым виднелись служебные посадочные площадки. Одна пустовала, над другой медленно разворачивался транспортный челнок.

— Садитесь.

Марк сел ближе к краю стола. Хейл внимательно посмотрела на него, оглядев с ног до головы, но ничего не сказала. Марк приготовился к вопросу, но вместо этого она привычным движением активировала голографический экран и вывела на нём карту звёздного пространства.

— Солвей. Система Эйрена. По земной карте — направление Южного Треугольника.

Населённые системы отодвинулись к краю экрана. Хейл увеличила цепочку редких отметок, протянувшуюся от основных транспортных узлов. Последняя оказалась почти у самой границы карты. Марк даже не слышал этого названия раньше.

— Земная колония, чуть больше сорока тысяч жителей. Создавалась под сельское хозяйство.

На экране появилась планета, затем поверхность под прозрачной оболочкой. Невысокие жилые корпуса теснились вокруг нескольких площадок. От них до самого края снимка тянулись посадки, разделённые светлыми дорогами. С высоты было трудно отличить город от хозяйственных построек, пока Хейл не выделила центр.

— Риверфолд. Тут располагается управление колонией, административные службы. Остальное — поселения при аграрных комплексах. Вчера связь пропала со всеми.

Эрин перестала просматривать выданную ей сводку.

— Одновременно?

— В пределах нескольких минут, при этом автоматика всё ещё работает. В момент инцидента был зафиксирован пробой корпуса и срабатывание герметизации. Вот здесь.

На увеличенном снимке белели несколько неровных пятен. Пена заполнила бреши и выступала над гладкой поверхностью. Вокруг одного пятна разошлись тонкие трещины. Марк провёл взглядом по их краям, пытаясь понять, что могло пройти через оболочку. Разрешения не хватало.

— Давление? — спросил он.

— Сохранилось. Утечку закрыли за секунды.

— Значит, от разгерметизации никто не умер.

— Никто.

— Тогда от чего?

Хейл убрала снимок.

— Военные прибыли первыми. Сейчас орбитальная станция и колония под их контролем. Они говорят, что там произошла чудовищная резня. Есть запись.

Сначала на экране были видны ноги и край открытого люка. Потом камера поднялась. Внизу лежала широкая площадка с длинными столами, скамьями и низкой сценой. Над ней провисали гирлянды. Возле сцены громоздились прозрачные обломки, один лежал поперёк усилителя. Оттуда до жилых домов вела короткая дорожка между молодыми деревьями.

Марк невольно напрягся. Он почувствовал, как начинает трезветь. Это всегда происходило одинаково, будто кто-то внутри медленно поворачивал ручку, и мир становился резким и холодным.

Люди лежали у столов, под скамьями, на самой дорожке. Некоторые ещё сидели. На ближайшем столе стояли тарелки с едой, в перевёрнутой чашке поблёскивало что-то тёмное. Камера качнулась, приблизив женщину с миской. Она прижимала её к груди. Голова была запрокинута так, что видно стало белое горло, а ступни под скамьёй стояли рядом, будто женщина только собиралась подняться.

На краю кадра мелькнул лежащий лицом вверх мужчина без руки. Кровь пропитала рубашку, растеклась между плитами. Возле дерева присел военный. Второй стоял рядом, держа перед собой сканер, и что-то показывал ему на стволе.

Марк выпрямился.

— Верните немного. К дереву.

Хейл прокрутила запись назад. Из коры выступала человеческая кисть. Камера обошла ствол, и стали видны рукав и плечо. Казалось, человек стоял за деревом, но с другого ракурса ничего не изменилось: плечо уходило прямо в древесину. Кора плотно прилегала к ткани.

Некоторое время Марк пытался проследить, где проходит остальное тело. Не сумев понять, что происходит, он выругался про себя.

Надо увидеть это своими глазами. У всего должно быть рациональное объяснение.

Хейл включила следующую запись. Узкая улица, раскрытые двери, остановившаяся платформа у разгрузочного навеса. Погибшие были и здесь. Камера заглянула в дом, задержалась у опрокинутой мебели, вышла наружу. Было слышно дыхание человека и шорох его одежды. Он несколько раз позвал. «Есть кто живой? Отзовитесь! Военная служба Империи, есть кто живой?» Ответом было только эхо. Марк слушал паузы после каждого оклика. В одной из них за стеной заработал механизм, и военный резко повернул камеру. По дорожке медленно проехал поливочный автомат.

В комнате повисло молчание.

— Что известно о нападавших? — спросила наконец Эрин.

— Основная версия — сайры, — сказала Хейл. — Есть основания считать, что они пробили купол проникли снаружи и атаковали колонию. На первой площадке почти никто не успел отойти от столов. Военные связывают скорость и повреждения с ними.

Марк ещё раз посмотрел на белые пятна герметика. Сайры. Гуманоидоподобные птицы: узкие головы с загнутыми клювами, короткие перья на шее и плечах, ростом с человека. Они двигались быстро, очень быстро и обладали физической силой, достаточной, чтобы расчленить взрослого человека. Он никогда не стоял с сайром лицом к лицу и, по правде говоря, не стремился. Мир с землянами держался на взаимном нежелании начинать большую войну и на доверии между лидерами двух цивилизаций. Стоило хоть чему-то пошатнуть это хрупкое равновесие — и тогда… Марк поёжился. К чёрту всё.

— Оружие и следы самих нападавших нашли?

— Пока нет. Записи наружных камер, журналы герметизации и данные наблюдения со станции собирают в отдельный пакет.

— Нам нужны исходные записи, — сказала Эрин. — С отметками времени и без вырезанных участков. И полный список групп, которые уже прошли по территории.

Хейл сделала пометку.

— Получите. Вы двое вылетаете на Солвей. Военные обеспечат доступ и охрану, у них есть медики, разведчики и технические специалисты. Ваша задача — установить последовательность событий, проверить версию нападения и доложить лично мне.

Марк перевёл взгляд с карты на неё.

— Земля уже знает?

— Администрация получила сообщение о потере связи.

— О потере связи, — повторил Марк. — Сорок тысяч трупов, а Земля знает о потере связи.

— Если мы сейчас назовём сайров, следующий разговор будет уже о военном ответе. И тогда везде станет очень жарко. Ты этого хочешь?

Марк зажмурился и потёр глаза. Голова всё ещё болела, но он почувствовал, что от прежнего похмелья практически не осталось и следа. Он опустил руки и открыл глаза. В свете окна стали заметнее седые волосы у висков Хейл. Она коротко стриглась, и за те годы, что Марк у неё работал, он привык к её узкому лицу, прямой спине и спокойному голосу, который не менялся даже во время самых неприятных разговоров. Она была той женщиной, которая могла одним и тем же тоном дать согласие на предложение выйти замуж и отправить человека на смертную казнь. В её голосе почти не было эмоций, она просто излагала факты. Кажется, он ни разу не видел, чтобы она как-то проявляла эмоции. В ход расследования она не вмешивалась, если её устраивали результаты. Но объясняться с ней Марк не любил. Она давала ему выговориться, а потом отвечала на тот вопрос, который считала нужным, или не отвечала ни на что, если считала нужным так поступить. Однако, в таком её поведении он видел и положительную сторону — она ни разу ничего не сказала о его личной трагедии, когда погибла его дочь. Не сказала она ничего и когда он выследил отморозка, который это сделал и своими собственными руками линчевал его без суда и следствия. Она просто посмотрела на него и сказала, что такие как тот гражданин редко выживают и выходят на свободу, поэтому нет разницы когда и где он расстанется с жизнью. Если Марку стало от этого легче — пусть будет так. А ему стало.

Сейчас она говорила вполне разумные вещи. Он тоже не хотел бы начинать войну с сайрами без железных доказательств.

Эрин уточнила полномочия на изъятие журналов и порядок доступа к доку. Хейл отвечала подробно, сверяясь с документом. Пока они говорили, Марк вернулся к первому кадру. На сцене под прозрачной глыбой виднелся гитарный гриф. За столами ещё оставались свободные места. Он запомнил дорожку к дому и то, как близко она была.

— Маршрут и встречу на станции согласовывают, — сказала Хейл. — Пакеты заберёте у дежурного. Эрин, проверь допуски.

Эрин поднялась. Марк убрал с края стола сводку и тоже начал вставать.

— Марк, останься на минуту.

Он снова сел. Эрин посмотрела на него, затем на Хейл и вышла.

* * *

После ухода Эрин Хейл дождалась, пока дверь закроется, и убрала запись. Кабинет снова стал светлее. Марк заметил, что дождь почти закончился. По стеклу ещё стекала вода, но между облаками над площадками появилась светлая полоса. Повисло молчание, Хейл не моргая смотрела на него, но Марк терпеливо ждал, глядя в окно.

— Есть отдельное поручение, — наконец сказала Хейл.

*Ну конечно. Отдельное поручение. Давай, Хейл. Что там у тебя?*Марк продолжал смотреть в окно, не отводя взгляд от серого пейзажа.

На экране появился грузовой челнок, пристыкованный к поверхностному доку Солвея. Хейл открыла схему трюма, затем сменила её объёмным изображением какого-то предмета на невысокой раме. Чёрный цилиндр, два широких кольца вокруг корпуса. С торца выступал плоский разъём с тремя гнёздами, на раме желтела скоба. Тот самый, что был у неё открыт, когда они с Эрин вошли в её кабинет.

Марк подался вперёд. Рядом с моделью появились размеры. По колено человеку, если поставить на пол. Он дождался, пока изображение повернётся, разглядывая крепления и гладкую поверхность между кольцами. Ничего похожего он раньше не видел. Хейл молчала.

— Что это?

— Груз, который был на борту. Сейчас его там нет, и ты должен его найти.

Марк посмотрел на неё.

— А что в нём особенного?

— Главная его особенность в том, что он должен быть на корабле. А его там нет.

Марк откинулся в кресле и сдержанно выдохнул. Потрясающе лаконично. У него перед глазами всё ещё стояли сцены резни и человеческая кисть, торчавшая из дерева.

— Вы отправляете нас выяснять, кто убил сорок тысяч человек. Зачем мне заниматься какой-то кражей?

— Потому что я дала тебе такой приказ, Марк.

Хейл не повысила голос. Она уже даже не смотрела на него и начала что-то просматривать в рабочем голографе.

— Допустим, я его найду. Что дальше?

— Сообщишь мне лично по закрытому каналу, — всё так же не отрываясь от работы спокойным голосом сказала Хейл.

— А если не найду?

— Будешь искать, пока не найдёшь, или пока я не скажу тебе прекратить поиски.

Марк почувствовал пульсацию в висках — Хейл раздражала его, но он не хотел впустую тратить свои нервные клетки и решил как можно скорее убраться из её кабинета. Ещё не хватало, чтобы головная боль вернулась.

Вставая, Марк ещё раз взглянул на цилиндр. Оружие? Для оружия массового поражения штуковина казалась слишком маленькой. Он перевёл взгляд на Хейл, словно ожидая, что она всё-таки добавит хоть что-нибудь полезного, но та уже с головой погрузилась в рабочую рутину.

Не дождавшись никаких дополнительных пояснений, Марк развернулся и молча вышел из кабинета. Чёрт, Хейл, во что ты меня втягиваешь?

Глава 2

Створки служебного прохода разошлись перед ними, и на стене загорелась стрелка к двенадцатой платформе. Марк на ходу посмотрел маршрут: Тавир, система Ладен, затем орбитальная станция Солвея. Доступ к закрытой линии был подтверждён. До первого переноса оставалось шесть минут.

Они пересекли верхний зал и спустились на движущейся дорожке. Внизу за стеклянной стеной тянулся ряд платформ. Отсюда ещё были видны вывески магазинов и люди у столиков на галерее, но шум постепенно стихал, уступая ровному гулу оборудования. Пахло жареным тестом и мокрой одеждой. Марк не успел позавтракать, и теперь при виде кафе в животе заурчало так громко, что Эрин покосилась на него.

— Это мой организм. Он со мной не советуется.

— Заметно, — сказала она и прошла вперёд.

У входа считыватель подтвердил разрешение на оружие. Марк поставил чемодан в багажный фиксатор и сел. Эрин устроилась через проход. Впереди женщина складывала на коленях шарф, аккуратно, уголок к уголку, будто от этого зависело что-то важное. Остальные пассажиры уже сидели, и никто не обращал внимания на тяжёлые ободы, охватывавшие зал. Под светлой отделкой почти не было видно самой установки. Обычная комната с креслами и вентиляционной решёткой над дверью. Над решёткой кто-то наклеил маленькую картинку с улыбающимся солнцем и надписью «Хорошего пути».

Двери сомкнулись. Марк положил ладонь на подлокотник, почувствовал под пальцами затёртую обивку и постарался не думать о том, что сейчас произойдёт. Это было всё равно что стараться не думать о белой обезьяне. Его тело, одежду и всё в этом помещении сейчас превратят в фотоны, в чистую энергию. На этой платформе его больше не будет, а на другой, в чужой системе, соберут заново в такой же конфигурации. Между платформами лежало расстояние, которое свет преодолевал бы немыслимо долго. Лифт проводил поток через области с тёмной материей, но для пассажира всё укладывалось в одно мгновение.

Марк перемещался так уже бессчётное количество раз. После каждого переноса оставался собой, помнил последнюю мысль перед отправлением. Даже головная боль никуда не девалась. И всё равно не мог спокойно дождаться начала. Сегодня перед глазами стояла рука, торчавшая из дерева. А если его самого соберут внутри перегородки? Наполовину в стене, наполовину в зале, с вытаращенными глазами, и какой-нибудь техник с чувством юмора будет фотографировать его рядом с солнышком «Хорошего пути». Он сжал подлокотник и почувствовал, что ладонь взмокла.

Он моргнул и приготовился задержать дыхание.

Вентиляция зашумела немного громче. За стеклом вместо светлой стены Мерроу появились красноватые панели и чужой указатель. Женщина впереди подбирала конец шарфа, соскользнувший с колен. Марк разжал пальцы и провёл ладонью по обивке. Пока он ждал, что вот-вот начнётся перенос, тот уже закончился. Он успокоился и ему стало немного неловко перед самим собой за минутную слабость.

Трусливый дурак, жалкое зрелище. Ладно, к чёрту всё.

Эрин уже поднялась. Если она и заметила, как он вцепился в подлокотник, то вида не подала. Он освободил чемодан и вышел за ней в шум Тавира.

* * *

Платформы выходили на внутреннюю галерею длинного изогнутого обода. Его вращение давало привычную тяжесть, и чемодан тянул руку так же, как в порту Мерроу. Слева тянулись торговые павильоны, между их входами светились указатели к платформам. Справа за широкими окнами чернел бескрайний космос и вдали виднелась яркая сердцевина галактики. Впе-

реди галерея расширялась в пересадочный зал. Туда стекались пассажиры с верхнего уровня, и Марк на ходу придвинул чемодан к ноге, чтобы не цеплять встречных.

Тавир был одним из больших орбитальных узлов системы Ладен. Здесь сходились линии, которых на Мерроу не было, и люди составляли лишь часть толпы. Над головами шли объявления на нескольких языках и на универсальном галактическом. У развилки на полу загорались новые полосы маршрутов, дверцы автоматических багажных тележек открывались перед владельцами. От пекарни возле лестницы тянуло горячим тестом и пряностями. Марк замедлил шаг, но сначала нужно было найти выход к линии Солвея.

Впереди над залом проходил пологий мост. По нему спускались сайры, держа крылья сложенными за спиной. Они были выше большинства людей, и Марк увидел их издали. Толпа расходилась перед ними без спешки, но расходилась, и Марк обратил внимание, что одна женщина притянула к себе ребёнка, хотя тот стоял далеко. У нижнего пролёта один сайр остановился, повернул голову к указателю и коснулся его длинными пальцами на трёхпалой ладони, если её можно было так назвать. Перья на шее чуть приподнялись.

Марк задержал взгляд на этой руке. Узловатые суставы. Ногти, больше похожие на когти. Он вспомнил мужчину возле посадочной площадки на утренней записи, без руки, с рубашкой, пропитанной кровью.

Ну давай. Скажи это. Грёбаные птицы. Вечером в каждом баре на земных колониях так скажут.

Сайр нашёл свою линию и пошёл дальше. Совершенно обычный пассажир, который куда-то опаздывал. Марк отвёл глаза.

На другой стороне зала расположились кафе. Столики стояли вдоль окон, оставляя посередине широкий проход, и здесь можно было сесть, не теряя из виду выходы. Эрин нашла их секцию на общей схеме. До следующего переноса оставалось двадцать минут, и они остановились у пекарни.

Марк выбрал лепёшку и кофе. Автомат выдвинул поднос, он забрал его и занял столик у окна. Эрин села напротив, открыла сводку. За её плечом был виден соседний корпус пассажирского обода. Соединённые закрытыми переходами корпуса вращались вместе. Дальше, у осевых причалов, стояли корабли. К дальнему судну медленно подводили грузовую раму, удерживая её в захватах. Ещё дальше виднелась планета с бледными облаками над коричневатой поверхностью.

У соседнего стола устраивались два веллара. Один отодвинул кресло, чтобы вытянуть длинные ноги, другой наклонился к нему, показывая что-то на ладони. Они разговаривали тихо, на своём языке, похожем на шелест сухой бумаги. Оба были на две головы выше Марка и по человеческим меркам казались чрезмерно худыми. Сероватые лица напоминали головы мух: большие фасеточные глаза и узкий подбородок, на котором помещался маленький рот почти без губ.

Веллары были первыми, с кем встретились люди. Они далеко превосходили человечество в науке и технике, но охотно делились знаниями. К людям относились как к недоразвитым существам, которым требовалось помочь и указать очевидный путь. Именно веллары помогли освоить технологии, до тех пор остававшиеся недоступными.

С сайрами и оссенами познакомились позже. Оссены были гуманоидными амфибиями и передвигались по суше в костюмах, похожих на скафандры, которые были заполнены водой. Их родная планета была огромной и почти целиком покрытой водой. Им даже выделили территории в земных океанах, получив взамен добрые дипломатические отношения. На суше люди уже теснились так, что чужому поселению едва ли обрадовались бы, а под водой нашлось много места. Сайры с тех пор требовали объяснить, почему океан можно отдать соседям, а небо нельзя. Они считали воздушное пространство таким же свободным. Марк понимал, отчего земные власти не торопились соглашаться.

Он разломил ещё тёплую лепёшку. Начинка оказалась острой. Марк запил её кофе и обжёг язык.

— Твою мать, — сказал он достаточно громко.

Эрин, не поднимая глаз от сводки, подвинула ему воду.

— Спасибо.

— Тебе нужно что-то есть по утрам, Марк.

Один из велларов за соседним столом повернул к ним голову. Глаза у него были неподвижные, но Марк всё равно почувствовал, что его разглядывают, вежливо и без особого интереса. Так он сам смотрел бы на собаку, которая пытается открыть дверь лапой. Может, получится, а может и нет. Но посмотреть забавно.

— Видела? — тихо спросил он.

— Что?

— Как они на нас смотрят.

Эрин подняла глаза. Веллар уже отвернулся.

— Марк, они на всех так смотрят, это веллары.

— Вот именно. Восемь сотен лет мы с ними знакомы, и они всё ещё смотрят на нас, как на щенков, которых взяли в дом. Кормят, учат, гладят по головке. Лифт, медицину, вот этот кофе, — он поднял стакан, — наверняка тоже они придумали.

— Кофе придумали на Земле.

— Ну, автомат, значит.

— И что ты хочешь сказать?

— Ничего. — Марк пожал плечами. — Просто никогда не понимал, почему они это делают. Никто ничего не даёт даром. Если тебе что-то дарят, значит, ты за это уже заплатил. Просто ещё не знаешь чем.

Эрин чуть помолчала.

— Мой отец говорил то же самое. Почти слово в слово.

Марк посмотрел на неё. Об отце Эрин он знал немного: служил, умер, оставил ей раритетный пистолет незапамятных времён, который она не носила, но и не сдавала. Больше она не рассказывала. Он и не лез в её жизнь.

— Умный был мужик.

— Не особенно, — сказала Эрин и вернулась к сводке. — Но в этом был прав. Пора собираться. Следующая точка — орбитальная станция, там нас встретят военные, — сказала она. — Оттуда на челноке спускаемся к колонии, на месте уже осмотримся.

На браслете загорелось приглашение к платформе. Марк допил воду, убрал поднос в приёмную нишу, и они пошли по боковому переходу. Общий зал остался позади. В закрытой для гражданских секции было тихо. За стеклом соседней платформы автоматика закрепляла контейнеры со снабжением, на их собственной ждали несколько пустых кресел. Считыватель у двери проверил их допуски. На табло появилось подтверждение военного поста Солвея: служебный проход разрешён. Дверь открылась.

Марк поставил чемодан в фиксатор и смотрел на Эрин, пока она устраивала сумку.

Когда загорелся знак приёма, Марк успел задержать дыхание. Следующий вдох он сделал уже у Солвея.

* * *

Пассажирский зал Солвея тоже находился во вращающемся кольце. У выхода с платформы их ждали двое военных. За переносной стойкой стояли открытые кофры со снаряжением, через пол тянулся кабель. Дальше виднелись пустые ряды кресел. После Тавира Марк особенно ясно слышал собственные шаги, эхом отзывающиеся в пустых коридорах.

Они оставили чемоданы в грузовой секции, получили защитные куртки, перчатки, фильтрующие маски и наборы для первичного осмотра. Техник, молодой парень с прыщами на подбородке, проверил связь.

— Под куполом можно дышать, — сказал он, — но на месте работают с телами. Так что маски лучше держать при себе. Поверьте мне. Лучше держать.

— Давно здесь? — спросил Марк.

— Со вчерашнего вечера, инспектор. — Парень помолчал, крутя в руках кабель. — Я на станции. Вниз пока не спускался. Наши, кто спускался, вернулись и не разговаривают. Сержант Ортис вчера час сидел в столовой и смотрел в тарелку. Он двадцать лет служит.

— Понятно.

— Это правда сайры? — вдруг спросил парень. — Все говорят, сайры.

— Кто все?

— Ну… все.

Сквозь окна рукава был виден Солвей. Оболочка сливалась с поверхностью, лишь на краю обитаемой зоны поблёскивала тонкая дуга. Там, внизу, продолжался день. Челнок был жёстко сцеплен с причалом и двигался вместе с ним. Дверь в конце рукава стояла открытой. Над входом светилось: «Риверфолд. Городской порт».

Они заняли места у окна. Система дождалась, пока застегнутся ремни, закрыла дверь и убрала рукав. После лёгкого толчка привычная тяжесть исчезла. В окне медленно прошёл край причала, затем машина развернулась на спуск.

Некоторое время внизу была почти одна тёмная поверхность. Потом стало разрастаться светлое пятно под оболочкой, в нём проступили дороги и прямоугольники полей. Город был невелик, и за крайними кварталами сразу начинались ровные зелёные и жёлтые посадки.

Он убрал маску в карман и вслед за Эрин прошёл в посадочный рукав. Сквозь его окна был виден Солвей. Оболочка купола сливалась с поверхностью, лишь на краю обитаемой зоны поблёскивала тонкая дуга. Там, внизу, продолжался день. Над входом в челнок светилось: «Риверфолд. Городской порт». Кто-то когда-то выбрал это название, глядя на реку, которой Марк пока не видел. Ироничное название для поселения на изначально безжизненном куске камня.

— Здесь всё начиналось с отдельных хозяйств, — сказала Эрин, глядя в справку. — Купол расширяли, вокруг добавлялись новые фермы, а старые так и оставались на своих местах.

— Землю давали навсегда? — задумчиво спросил Марк, глядя на проносящийся в иллюминаторе пейзаж.

— Если выполняли условия переселения. Судя по всему, переселенцы предпочли остаться здесь, как и их дети. Многие вообще не были на Земле или других планетах.

Марк подвинулся ближе к иллюминатору и коснулся лбом прохладного стекла. Под ними поля сменялись полосами деревьев. Между ними стояли дома. При каждом доме был двор с хозяйственными постройками, дорожкой, свободным местом возле крыльца. С высоты дома и посадки ещё складывались в ровный рисунок. Но челнок снижался, становились видны крыши, отдельные деревья, и расстояние от дома до дома начинало казаться непомерным.

Его родители улетели с Земли задолго до его рождения. О ней Марк знал по их рассказам и голографическим проекциям. Он родился в другой системе и с детства воспринимал Землю как огромное, перенаселённое, тесное место, из которого его семье чудом удалось уехать.

Города занимали всю сушу, даже Антарктиду. Под ними уходили в глубину жилые уровни, связанные лифтами и длинными переходами. Чем беднее человек, тем ниже он жил. На нижних этажах до настоящего дневного света можно было не добраться годами. Поездка на поверхность отнимала время и стоила денег, которых у живших под землёй практически не

было. Жильё на уровне земли считалось привилегией. Собственный участок был неподъёмным богатством, которое не могли себе позволить даже владельцы крупных корпораций.

На поверхности и выше тоже было тесно. Башни уходили в облака, между ними тянулись жилые ярусы и транспортные эстакады. Во многих районах, если встать на улице и просто смотреть перед собой, то взгляд упирался в каменную стену через сотню метров. Над этой застройкой висели огромные химические буи, поддерживавшие атмосферу истощённой планеты. Ещё выше располагались орбитальные жилые и служебные комплексы. На проекциях они закрывали целые участки неба так, что солнечный свет не всегда свободно доставал до поверхности.

Но в старых, очень старых исторических проекциях была другая Земля. Марк помнил лес на склоне холма. Можно было повернуть изображение, поднять точку обзора, и за ближайшими деревьями открывались новые, потом ещё — и так до самого горизонта. Рядом с лесом лежали поля, между ними петляла пустая дорога. Марк перемещал точку обзора вдоль дороги, ожидая, что за поворотом начнутся городские кварталы. Дорога привела к маленькому селению. За его домами снова открывались поля.

От этого мира почти ничего не осталось. Растения и животных сохраняли в отдельных комплексах, природные запасы были выработаны, а воздух приходилось постоянно поддерживать машинами. Глядя на поля Солвея, Марк не удивлялся, почему жители предпочли покинуть родные миры и улететь в неизвестность в поисках лучшей жизни. Даже здесь, на бедной далёкой планете, люди могли позволить себе то, о чём на Земле почти перестали мечтать.

У него самого было жилище на восемь квадратных метров. Капсула с кроватью, шкафом и окном. Там же можно было принять душ и справить нужду. Всё в одном. Он по привычке называл это квартирой, хотя сейчас она скорее напоминала просторный гроб. Дома Марк не думал об этом. Возвращался, пил, спал. А тут такие просторы. Если бы ему только удалось… Марк оборвал мысль, вспомнив, зачем сюда летит. Он оторвал взгляд от иллюминатора, вернулся мысленно к рабочим задачам и приготовился к посадке.

Челнок прошёл через посадочный шлюз купола и начал разворот над Риверфолдом. Эрин закрыла справку. Впереди показались низкие корпуса порта, за ними ряды домов и широкая полоса посадочных площадок. На одной из них стоял военный транспорт. Челнок снизился, автоматика точно приземлила его на светящийся прямоугольник свободной посадочной площадки и с тихим щелчком освободила крепления пассажирских кресел.

* * *

В городском порту работали только прибывшие после нападения военные. Двое несли закрытые носилки к транспортной машине. В ней были сложены рулоны чёрных пакетов. Под навесом вдоль стены лежали уже застёгнутые мешки, и Марк сбился со счёта, прежде чем дошёл до двери терминала.

Внутри сохранился обычный порядок небольшого порта. Слева были стойки выдачи багажа, впереди кафе, у противоположной стены проход к местным шаттлам. На стене над кафе висел плакат: улыбающаяся семья с тремя детьми на фоне пшеничного поля, и надпись: «Солвей. Место, где растут». Один столик опрокинулся. На полу рядом с ним темнела кровь, дальше путь перегораживала ограждающая лента. Марк с Эрин прошли по свободной стороне. Автоматическое объявление приятным женским голосом предложило воспользоваться городским транспортом и сообщило, что сегодня под куполом плюс двадцать два и солнечно.

— Спасибо, милая, — сквозь зубы пробормотал Марк.

За окнами виднелась улица. У остановки стояли пустые капсулы. На магазине на углу по-прежнему вращалась рекламная проекция. Между портом и домами двигался только военный патруль. Эрин задержалась у схемы, выбрала ферму Вейлов и отправила маршрут на ближайший шаттл. На экране появилось время: сорок минут.

Марк сел первым. Этот салон был меньше орбитального, с широкими окнами по обе стороны. У двери светился принятый маршрут. Шаттл дождался Эрин, закрыл двери и поднялся над улицей.

Они пролетели вдоль жилых кварталов. Сверху были видны маленькие дворы, переходы между домами, сквер с тёмной водой в чаше фонтана. Возле одного подъезда стояли военные, дальше несколько фигур лежали поперёк дорожки. Дорожка упиралась в такую же пустую улицу.

За последними домами шаттл набрал скорость. Некоторое время в окне ещё виднелись портовые башни, потом их закрыла полоса деревьев. Дальше началась череда полей. Они с Эрин почти не разговаривали. Эрин просматривала сведения первых групп, Марк смотрел на дорогу внизу и понемногу узнавал местность, которую видел на утренней записи.

Когда шаттл начал снижаться, с момента отправления прошло около сорока минут. Между домом и хозяйственным навесом лежала посадочная площадка. По её краям стояли военные метки, у ограждения ждал человек в тёмной форме. Автоматика подвела шаттл к свободному месту и мягко опустила на опоры.

Дверь открылась, и Марк почувствовал запах, к горлу подкатил приступ тошноты. Он знал этот запах. Каждый, кто проработал в полиции дольше года, его знал. Сладковатый, тяжёлый, с чем-то металлическим внутри. Он проникал в одежду и в волосы, и потом неделями казалось, что он всё ещё здесь, даже когда его давно не было. Но здесь его было так много, что если бы этот запах можно было бы представить как туман, то Марк не увидел бы своей руки дальше локтя.

Марк задержался наверху короткого трапа. Хотелось дышать ртом, но он знал, что это не поможет. Он достал маску, надел её и посмотрел вниз. В нескольких шагах от посадочной разметки лежал человек. Вокруг него стояли четыре низкие метки, а к дому тянулась ограждающая лента.

Военный подошёл к трапу. Лет тридцати пяти, коротко стриженный, на лице красная полоса от маски, которую он, видимо, только что снял, чтобы нормально говорить.

— Лейтенант Дарвиш. Площадку и проход проверили. До ограждения можно идти свободно, дальше покажу, где работала первая группа.

— Рейн. Это Восс. В других поселениях что-нибудь новое?

— То же самое. Ни одного живого. — Дарвиш помолчал. — Вообще ни одного. Мы в первую ночь думали, хоть кто-то спрятался. Подвалы, погреба, коровники. Сканировали тепловизорами. Знаете, сколько нашли? Трёх кошек и собаку. Собака под крыльцом сидела, не выходила. Её парни до сих пор кормят.

— Сейчас обходят дальние участки?

— Обходят. Но я вам скажу, инспектор, там то же самое. Я уже не надеюсь.

Эрин спустилась следом, уже в маске. Несколько секунд она смотрела на лежавшего возле площадки, потом натянула перчатку, которая и без того сидела плотно.

— Кто здесь работал после высадки?

Дарвиш начал перечислять группы. Эрин включила запись, уточнила время. Марк присел возле тела, стараясь не заслонять свет.

Мужчина лежал на спине. Одной ноги не было до самого бедра. От тёмного пятна под ним к краю площадки уходили высохшие ручейки. Ткань и плоть были разорваны, словно ногу ухватили и выдернули одним движением. Марк видел подобное после нападений больших животных. Здесь он не находил следов борьбы. Мужчину никуда не тащили, земля вокруг оставалась ровной.

За ограждением стоял открытый хозяйственный навес. Под ним лежали ещё двое. У одного рука была отсечена вместе с краем рукава. Кисть осталась на ящике, пальцы чуть согнуты. Марк подошёл ближе к ленте. Он ожидал увидеть ещё один разрыв, но край ткани был

ровным. По другую сторону ящика из одежды высыпалось серое. Пепел лежал там, где должна была находиться часть тела, и Марк несколько секунд рассматривал соседнюю доску, прежде чем понял, что ищет на ней обугливание. Доска была цела. Он перевёл взгляд на одежду. Она тоже почти не пострадала.

Откуда взялось столько жара и почему его пострадал только человек?

Сайр был способен разорвать человека, Марк видел последствия их ударов. Но сжечь тело так, чтобы рядом сохранилась почти целая одежда, голыми руками не мог и сайр. Это напоминало работу энергетического оружия, гораздо более мощного, чем то, что Марк носил под курткой. Для такой установки понадобился бы транспорт или тяжёлый боевой дроид. Ему пришлось бы пройти между домами, выйти на эту площадку для ведения огня. В этом случае на мягкой земле остался бы след.

— До вас здесь снимали с воздуха? — спросил он.

— Да, мы пролетели дронами над доступной территорией в границах купола.

— Мне нужны все материалы. Тяжёлую технику заметили?

— Только местные транспортные капсулы. Ничего, что могло бы сделать такое. — Дарвиш показал рукой на пепел. — Мои ребята говорят, это дьявол.

— Дьявола не сущетвует.

Чертовщина какая-то.

Он подошёл к Эрин. Она стояла у края навеса, вглядываясь в то же место, где лежал пепел. Над маской были видны только глаза.

— Пойдём к столам, — сказал Марк.

Дорожка огибала дом и проходила между низкими деревьями. У крыльца стояли две пары обуви. На перилах висела детская куртка, рукав шевелился от ветра. Военный держался сбоку. Он показывал, где проходили медики, где проложили кабели, на какой участок ещё не ступали. Марк выбрал дорожку вдоль хозяйственной стены. Отсюда площадка праздника открылась сразу: длинные столы, опрокинутые скамьи, сцена у дальнего края. Над ней провисал обрывок гирлянды. Несколько лампочек всё ещё горело.

Здесь смрад был сильнее. Марк увидел ворону, которая, упираясь лапами, тянула что-то из-под воротника лежавшей у дорожки женщины. Птица подняла голову, отпрыгнула и сразу вернулась к телу. Он махнул рукой. Ворона недовольно каркнула и тяжело взлетела, сев на стол, где уже сидели две другие.

У сцены лежали прозрачные обломки оболочки. Один вдавил край помоста в стенку усилителя. Дальше на навесе переступала ещё одна ворона, и от её лап по натянутой плёнке раздавался негромкий стук. Марк обошёл первый стол, держась возле ограждения.

На руке женщины блестел широкий браслет. Между скамьями лежал дорогой передатчик, выпавший из кармана мужчины. Рядом раскрылась сумка, из неё высыпались мелкие вещи. За столами оставались машины, у домов стоял транспорт. На грабёж это не походило. Вендетта? Ему случалось видеть, что делают с человеком из ненависти. Да что и говорить, он сам выследил того ублюдка и… Нет, к чёрту. Марк заставил себя вернуться к осмотру.

Перед ним лежали десятки людей. Что такого они могли сделать, чтобы кто-то решил вырезать их всех? Он задал себе этот вопрос и сразу же понял, что он неправильный. Что такого могли сделать люди, которые праздновали урожай с бочонком пива и гирляндами? Ничего. Значит, дело не в них. Дело в том, что здесь было. Или в том, что здесь кто-то хотел показать.

Марк задержался у скамьи с привязанной к спинке лентой. На столе стояли миски с остатками еды и ряд стаканов возле бочонка. Праздник не успел закончиться. Люди ещё сидели на своих местах, когда это началось, и уйти смогли лишь на несколько шагов.

Эрин включила съёмку и попросила Дарвиша пока не подходить к следующему ряду. Марк прошёл дальше, разглядывая землю перед собой.

* * *

То самое дерево росло у края площадки. За ним начиналась неглубокая канава, дальше шла полоса травы вдоль поля. Марк узнал развилку, которую видел на записи, и остановился. Отсюда руки ещё не было видно. Только ровная серая кора и тёмные пятна ниже ветвей.

Он обошёл ствол. Кисть выступала из дерева, пальцы были раскрыты, один ноготь сломан. Чуть выше виднелись край рукава, плечо и часть головы. Марк наклонился, потом выпрямился, пытаясь понять, как такое могло получиться. Человека словно вдавили в древесину. Но тогда ствол должен был расколоться, а здесь кора вплотную подходила к ткани и продолжалась в складке рукава. Марк осторожно провёл пальцем рядом с рукавом. Под корой было обычное твёрдое дерево. Ствол почти можно было обхватить руками. Он пытался представить себе удар, который вогнал бы взрослого мужчину внутрь, не сломав ни одной ветки, и снова возвращался к тонкой полоске коры между складками. Она мешала даже этому объяснению. Дерево и тело занимали одно место. Как будто бы он просто...

Стоп...как будто бы он что? Его что, *переместили*?

Вот тебе и «хорошего пути».

Подошла Эрин. Они постояли молча. Потом она сказала, очень тихо:

— Он был живой, когда это случилось?

— Я надеюсь, что нет.

Они постояли молча, затем Марк в задумчивости отошёл к канаве. Под ногами лежали смятые бумажные украшения. Земля у канавы была взрыхлена, среди светлых подсохших комков торчала чёрная трава.

Он едва не прошёл мимо. На остальной полосе трава была зелёной, с короткими жёсткими листьями. Здесь из грунта выходили тонкие нити. Марк опустился на колено и поддел несколько пальцем.

Волосы?

Он положил их обратно и начал отгребать землю. Верхний слой легко осыпался, ниже пришлось разбирать плотные влажные комки. Волос становилось больше. Марк освобождал их по пряди, пока под пальцами не появилась гладкая кожа.

— Эрин.

Она уже стояла рядом. Он не поднял головы. Под землёй был лоб, затем показался край брови. Марк выгреб грунт сбоку, открыл висок, щёку, нос. Лицо было запрокинуто. В открытых глазах сидели засохшие комки земли.

Он отнял руку и перестал дышать. Остальное тело находилось у него под ногами. Рядом не было вырытой ямы, не было насыпи. Плотный грунт подходил к лицу со всех сторон. Несколько волос выбились наружу там, где земля у края канавы осела, он едва не прошёл мимо.

Марк сидел на колене и смотрел на неё. Мужчина в дереве и женщина в земле. Нет, это точно не сайры. Или, по крайней мере, не только они.

Эрин присела с другой стороны. Она потянулась к лицу, остановилась и убрала руку. Марк слышал её дыхание под маской.

Когда он встал, затёкшая нога не сразу выпрямилась. Военный подался к нему, но Марк уже удержался сам.

— Вызовите группу. Нужно извлечь её и человека из дерева. Вместе с тем, что вокруг. Ничего не выдёргивать. Слышите? Ничего. Режьте дерево, снимайте грунт блоком, мне плевать, сколько это займёт.

Дарвиш кивнул и отошёл, поднимая браслет.

— Будто их собрали не там, — сказал Марк. — После Лифта.

Эрин посмотрела на дерево и на раскопанное лицо.

— Здесь же нет платформы.

Марк кивнул. Для переноса требовался подготовленный выход, и пассажир должен был сначала войти в установку. Эти люди были на празднике. Их нельзя было просто взять со ска-

меек и отправить в землю. Но сходство с тем, чего он боялся утром, оказалось слишком сильным. Другой догадки у него пока не было.

— Запроси данные обо всех использованиях Лифта на Солвее, — сказал он. — Журнал ошибок и координаты переноса. Отправления и приёма. Всё, что у них есть, за последнюю неделю. И поговори с местным техником, если найдёшь живого. Если не найдёшь — с тем, кто обслуживает узел дистанционно. Было ли использование лифта в момент нападения. Хоть одно.

Эрин открыла браслет. Служба солвейского узла подтвердила приём запроса, но самой выгрузки пока не прислала. Марк смотрел на экран и почти не сомневался, что никакого сбоя они не найдут. Слишком многое не укладывалось даже в аварию. Перед ним было что-то другое, чего он прежде не видел и пока не мог осознать. Но единственную возникшую рациональную гипотезу нужно было проверить.

* * *

Когда пришла группа, Эрин отвела старшего к дереву. Марк подождал у дорожки, меняя перчатки. Старые пришлось вывернуть наизнанку. На манжете осталась земля, и он счищал её, пока Эрин не вернулась.

— Я осмотрю грузовой док, — сказал он. — Ты пока останься здесь.

Эрин посмотрела на него чуть дольше, чем нужно.

— Док?

— Хейл просила проверить груз. Формальность.

— Ладно. Приняла.

Он кивнул и уточнил дорогу у Дарвиша. Док находился за складами, в той же аграрной зоне. Несколько минут пешком.

Марк пошёл один. Ему было неприятно, что он соврал ей. Не совсем соврал, но и не сказал правды. «Формальность». Если бы она сказала ему такое, он бы сразу понял, что она врёт. Наверняка и она поняла, но промолчала и это было в её духе.

В кармане лежал передатчик с файлом Хейл: чёрный цилиндр, кольца креплений, жёлтая скоба, маркировка. Ни одного слова о назначении. После увиденного на ферме особенно хотелось знать, что именно начальница велела ему искать.

За последним домом начиналась широкая дорога. Слева тянулись поля, справа стояли складские корпуса. У ближайшего была открыта дверь. Марк заглянул внутрь и увидел, как небольшая грузовая машина поднимает пустой поддон. У края прохода лежал человек. Машина обогнула его и уехала в глубину склада, не сбавляя хода.

На Содружество Независимых Систем всё это мало похоже, подумал Марк, выходя обратно на дорогу. Он знал их рейды против Галактической Империи и Альянса: удары по перевозкам, пиратские нападения, быстрый уход до прибытия флота. Иногда с ними действовали отряды карвенов, народа, который предпочёл независимость участию в Галактическом Совете. Из-за этих отрядов пиратами охотно называли всех карвенов, хотя Марк встречал среди людей ту же привычку наживаться на чужой войне.

В рейдах СНС он понимал выгоду, но здесь её не видел. Уничтожение земной колонии давало Империи повод прислать целые флоты, а противостоять им СНС не могло. Его президент по крайней мере не казался Марку существом, которому требовалось объяснять последствия открытого применения силы.

С Альянсом тоже не сходилось. Его флот был мощнее, чем у СНС, но всё равно слабее имперского. Марк не думал, что они решатся выступить в открытую. А если решатся, то ударят по основным узлам снабжения, сразу по нескольким, чтобы получить военное преимущество и разрезать снабжение флота. Уничтожение отдалённой колонии ничего такого им не давало.

Марк обошёл грузовую платформу, остановившуюся поперёк дороги. Её боковая створка была открыта. За ней виднелись пустые крепления контейнеров.

Версия с сайрами тоже переставала казаться ему убедительной. Пробоины в куполе и следы автоматического пенного герметика оставались, но сами по себе они не объясняли ни человека в дереве, ни женщину под землёй. Сайры входили в Галактический Совет, и Марк не видел, чего они добились бы нападением на продовольственную колонию.

Впереди показался док. Из-под навеса выступал нос грузового корабля, знакомого по изображению Хейл. Марк проверил, свободно ли выходит тазер из кобуры, и подошёл к открытому входу.

* * *

Над широким проёмом мигали погрузочные огни. Марк вошёл сбоку, держась подальше от полосы движения, и подождал, пока глаза привыкнут к полумраку. В помещении чувствовалась прохлада и было очень тихо, его шаги эхом отзывались под потолком. На полу лежала кровь, засохшая у края и ещё тёмная в углублениях покрытия. Возле входа её размазали по полу. На стене выше человеческого роста темнели брызги.

Наверху что-то с грохотом лязгнуло. Марк вздрогнул и выхватил тазер, включив подствольный фонарь. Движение под потолком!

Он едва не выстрелил. Над пустой площадкой перемещалась захватная рама. Она прошла несколько метров, остановилась и опустилась к поддону.

Он стоял несколько мгновений, прислушиваясь к собственному дыханию.

Чёртова автоматика.

Потом осмотрел служебную галерею под потолком. Там никого не было. Справа располагались двери, слева между опорами темнели узкие проходы. Марк пошёл вдоль стены, высвечивая себе путь с оружием в руке. Приходилось смотреть и вверх, и под ноги, и ему всё время казалось, что за пределами круга света за ним что-то наблюдает.

За первой опорой лежал мужчина в рабочей одежде. Возле лестницы — женщина, запрокинувшая голову на нижнюю ступень. Рядом стояла чашка. Марк обошёл их, поднялся на служебный настил, посветил под пульт и только после этого, убедившись, что в тёмных углах никого нет, глубоко вздохнул и повернул назад к кораблю.

Тот занимал почти весь причальный карман. К закрытому нижнему люку примыкал короткий трап. Марк сверил номер с файлом. Считыватель узнал служебный допуск, и после команды люк подался наружу. Из трюма потянуло прохладой.

Внутри было пусто. Вдоль стен тянулись грузовые места, у дальней переборки лежали сложенные ремни и транспортные рамы. Марк включил рабочий свет. Урожай загрузить не успели. Он прошёл к средней секции, развернул над передатчиком голограмму цилиндра и ещё раз сверил маркировку.

Отдельное крепление под груз находилось у стены. Фиксаторы были разведены, лента убрана в боковой паз. На замке не было следов взлома. Марк осветил направляющие, осмотрел соседние места и заглянул за рамы. Цилиндра там не было.

Он прошёл доступные отсеки, проверил помещения экипажа и вернулся в трюм. Корабль исправно открывал двери, отвечал на запросы. Внутренние замки тоже были целы.

Действительно, твоей штуковины тут нет, Хейл.

Он открыл карту участка и, спускаясь по трапу, посмотрел через проём дока.

От дороги, по которой он пришёл, ответвлялся узкий служебный проезд. Он тянулся вдоль забора к низкому сооружению, врезанному в склон. Над крышей росла трава, из неё выступали вентиляционные решётки. Большие ворота смотрели прямо на док. На общей карте здание относилось к тому же хозяйственному участку, но внутренней схемы не было.

* * *

Проезд немного поднимался. Забор закрывал поля, и Марк шёл по узкой полосе тени. Здесь не было тел. Постепенно исчез запах, дышать стало легче, но маску он не снял.

Возле ворот находилась небольшая дверь со служебным считывателем. Марк приложил к нему идентификационный жетон. Раздался короткий писк. Затем раздалось шипение и тяжелая створка начала отодвигаться. Он дождался, пока створка освободит проход, и вошёл в короткий коридор, оставив дверь открытой. Свет не включился. Марк включил фонарь и, прежде чем войти, бегло осветил помещение. На полу лежала сухая мелкая пыль, вдоль стены тянулись закрытые короба. За поворотом была ещё одна дверь, приоткрытая на ширину ладони. Марк толкнул её носком и отступил, поднимая тазер.

За ней оказался большой зал. Луч фонаря скользнул по полу и выхватил из темноты массивную металлическую опору. Марк шагнул в проём. Здание уходило глубоко в склон, его размеры снаружи были незаметны. У правой стены стоял стол с двумя креслами, дальше за перегородкой располагались пульты. Экраны не работали. На столе лежали пустые упаковки, раскрытый футляр и перчатка. Вторая валялась под креслом.

Он осмотрел пространство за перегородкой и вернулся к опоре. Это была тяжёлая станина, закреплённая в основании пола. Над ней поднимались два раскрытых крепления, с одного конца находился блок разъёмов. Толстые кабели уходили к стене. Оборудования на станине не было.

Он обошёл перегородку. У ближайшего пульта лежал мужчина с неестественно вывернутой шеей. Длинный, худой, сероватая кожа, большие фасеточные глаза, уже помутневшие.Велларец! Откуда он на земной колонии? За опрокинутым креслом — женщина-велларка, под ней темнела лужа крови. Из ее груди торчал фрагмент столешницы.

Марк, еще несколько мгновений смотрел на тела, затем приступил к осмотру пультов. Их корпуса были продавлены внутрь вместе с экранами. Из проломов торчали расколотые платы. У стены были разворочены шкафы с аппаратурой, пучки оборванных проводов свисали до пола. Перегородка рядом оставалась целой, как и стол с раскрытым футляром. Оборудование здесь было уничтожено.

Он вернулся к опоре. Это была тяжёлая станина, закреплённая в основании пола. Над ней поднимались два раскрытых крепления, с одного конца находился блок разъёмов. Толстые кабели уходили к стене. Оборудования на станине не было.

Расположение опор показалось Марку знакомым. Он уже собирался достать передатчик, когда фонарь выхватил у противоположной стены ещё одну металлическую поверхность.

Там стояли массивные металлические плиты. Первая заслоняла остальные, и, только отойдя в сторону, Марк увидел весь ряд. Плиты были установлены вертикально на направляющих, с небольшими промежутками. Каждая была толщиной около десяти сантиметров. В идеально отполированном металле Марк видел своё отражение. Ряд тянулся к дальней стене метров на тридцать, занимая большую часть зала. Между последней плитой и стеной оставался узкий проход.

Марк подошёл к первой плите. На уровне груди в ней было круглое отверстие. По краю металл оплавился, снизу застыли тяжёлые капли. Он направил свет внутрь и увидел такое же отверстие в следующей плите, потом ещё одно. Они образовывали прямой канал.

Марк осторожно коснулся металла. Вольфрам, возможно. Или другой жаропрочный сплав, Марк не умел определять металл на глаз. Но его здесь собрали столько, что смысл станины становился понятен.

Он пошёл вдоль плит. Под ногами белела пыль. У дальней стены пришлось повернуться боком, чтобы обойти выступ направляющей, и отсюда Марк увидел выходное отверстие. Что бы это ни было, оно прошло через последнюю плиту, проделало дыру в стене бункера, которая уходила далеко в грунт за ней. Он поднёс фонарь ближе. Свет скользил по почерневшим стенкам и терялся в глубине. Конца не было видно.

Марк постоял у стены. Тазер оттягивал руку. Он убрал его в кобуру и вернулся к станине, стараясь идти сбоку от отверстия. Ему было неприятно пересекать эту линию несмотря на то, что крепления были пусты.

Марк достал передатчик, открыл файл Хейл и положил прибор на раскрытую ладонь. В воздухе над ним возникла голографическая проекция устройства. Цилиндр медленно повернулся над ладонью. Марк увеличил голограмму до размеров, указанных в файле, и сдвинул к станине. Жёлтая скоба оказалась с другой стороны. Он развернул изображение.

Кольца легли в опоры. Торцевой разъём совпал с креплениями. Марк обошёл станину, удерживая проекцию на месте. С другой стороны крепления тоже подходили.

Любопытно. Здесь, похоже, испытывали тот самый груз, который Хейл велела найти. Марк ещё раз посмотрел на прожжённые плиты. Энергетическая установка, которая смогла пробить несколько десятков метров жаропрочного металла и еще неизвестно сколько грунта? Такое оружие могло бы с легкостью перерезать корабль на 2 части и уничтожить всю флотилию, попади она в нужные руки. И это произошло примерно в то же время, как и резня. Совпадение ли? Но, если они пришли за оружием, то зачем тогда вырезать всю колонию?

Он подошёл к столу. Перчатки, футляр, кресла у пультов. После тех, кто пользовался ими, должны были сохраниться органические следы. Марк достал выданный сканер, выбрал поиск биологического материала и провёл над краем столешницы. Появились отметки. Он повторил проверку у разъёмов и креплений станины, затем возле рукояти внутренней двери. Прибор обнаруживал материал, пригодный для анализа ДНК. Марк запустил анализ. Сканер выделил ДНК-профили, и он сохранил результаты вместе с отметками для группы отбора.

Скоро посмотрим, кто тут у нас наследил.

Сравнивать было с чем. Люди не первыми начали сводить сведения о своих жителях в электронные реестры. И в Империи, и в Альянсе каждое разумное существо при рождении получало цифровой биологический нейрочип — ЦБН. На него записывали ДНК, медицинскую карту, сведения о жилье и работе, деньгах, родственниках и контактах. Носитель подтверждал личность и открывал доступ к услугам, от оплаты покупок до планетарных служб. Всё объясняли удобством, безопасностью и заботой о порядке. Заодно власти получали возможность следить за каждым.

«Преступность будет искоренена как класс». Марк усмехнулся, вспомнив, под каким предлогом вводилась эта система. Найти нарушителя и исключить его из сети — прекрасное обещание. Только преступные группировки приспособились и стали изобретательнее. А причины, по которым совершали преступления, от усиления контроля никуда не делись. Голод, ревность, жадность, страх. Ни один чип пока не научился их искоренять. Зато каждый, у кого был доступ к реестру, теперь знал о тебе больше, чем родная мать. Вопрос был только в том, кто этот каждый. И кто следит за ним.

Марк вышел под открытое небо, установил связь с центральным терминалом и отправил профили на сравнение с реестром. На экране мигнула строка: «Запрос зарегистрирован. Инициатор: Рейн М., следственный допуск 4». Он не обратил на неё внимания. Такая строка появлялась всегда.

Ответ пришёл почти сразу. Сведения о следах насекомых шли отдельно от совпадений с личными записями. Марк открыл список имён и должностей. Техники, корпорация «Меридиан». Ничего необычного. «Меридиан» раскинул свои щупальца далеко за пределы Солнечной системы.

Потом остановился и ещё раз прочёл одну из строк.

Советник Лаэр? Марк оглянулся на вход в бункер. Что он здесь делал?

Глава 3

Мартин Вест откинулся в кресле и сдавил виски. На диспетчерском терминале красным мигало уведомление, означающее что от него опять требуется решить чью-то проблему. До конца смены оставалось около десяти минут, и разбираться с новой головной болью ему совершенно не хотелось. Лучше сделать вид, что он его не заметил. Вест ещё немного посидел с закрытыми глазами, потом выпрямился и жестом открыл сообщение.

На экране рабочих очков появился запрос земного распределительного управления. Груз с Солвея задерживался. Управление просило заменить его партиями, которые Вест уже назначил двум новым колониям. Он поправил очки и жестом открыл карточку рейса. Перевозчик нового срока доставки не давал. По отметке оператора узла гражданское движение закрыли распоряжением военных.

Чёртовы военные.

Он включил голографический проектор и вывел над столом карту колоний. Не без труда нашёл Солвей среди окраинных миров и выбрал его систему. Вместо сети линий перед ним появились два солнца и подсвеченная метка планеты.

Солвей. Богом забытое место. Что им там понадобилось?

Вест нашёл контакт администратора и вызвал его. Тот не ответил. Дежурный канал тоже был недоступен. Тогда Вест позвал помощницу.

— Выясните, кто закрыл линию на Солвее. Мне нужен кто-нибудь, кто знает причину и объяснит мне, что происходит.

Помощница вышла. В приёмной заговорили по связи. Вест слышал её голос, долгие паузы, затем всё тот же вопрос, уже кому-то другому. Он подошел к молекулярному преобразователю и заказал себе леденец от изжоги. Старомодно, да.

Негромко пискнул сигнал входящего сообщения. Вест жестом вывел его на очки. В ответе оперативного командования значилось имя полковника Элис Хейл. Он попросил соединить. Вест ожидал разговора о задержанном судне или проверке узла и приготовился выяснять, почему ради этого понадобилось закрывать гражданскую линию.

Хейл ответила из кабинета. За её плечом была карта Солвея, разбитая на участки.

— Под конец смены я узнаю, что мои линии снабжения остановлены вашими людьми, — сказал Вест вместо приветствия. — Что вы там устроили?

— Массовая гибель жителей. Колония под контролем военных. Все рейсы отменены, колония закрыта для влета и вылета. Причину пока устанавливаем.

Хейл прислала сводку. Вест открыл её и включил запись. Камера двигалась между накрытыми столами. Оператор обходил лежавших на земле людей, и изображение то поднималось, то опускалось.

Вест досмотрел до конца.

— Это нападение?

— Такова рабочая версия.

— Какая тут ещё может быть версия?! Вся колония вырезана!

Он отвечал за освоение отдалённых систем, и без постоянных поставок продовольствия его планы теперь могли сорваться. Солвей находился далеко от наиболее освоенных звёздных систем, но груз оттуда можно было с одной остановкой доставить практически в любую область колонизированного пространства. К тому же на новых гидропонных фермах цикл роста и сбора урожая не прерывался.

Допустим, военные уйдут. Где ему взять столько людей, чтобы возобновить работу ферм? Их ещё надо убедить полететь туда, поселиться в чужих домах среди вещей недавно погибших хозяев. И пообещать, что с ними такого уж точно не случится.

Мы приняли все необходимые меры для вашей безопасности. Верьте нам.

Проклятье.

— Когда вы собирались нас уведомить?!

— Гражданская администрация получила сообщение о потере связи.

— Да плевать я хотел на гражданскую администрацию! У меня план! — сорвался Вест. — Когда я смогу возобновить работы? Где мне найти новых людей?!

— Пока нельзя определить срок.

Вест выругался и закончил разговор. Затем вызвал помощницу.

— Производство на Солвее остановлено. Весь рабочий ресурс уничтожен. Найдите, чем закрыть сорванные поставки, и начинайте поиск новых рабочих. Сводку пересылаю.

Она прочла первые строки на его экране и вернулась к своему планшету.

— Принято.

Вест проводил её взглядом и ещё некоторое время сидел неподвижно. Надо известить начальство, пока всю ответственность не повесили на него.

Он нашёл в списке контактов Дариана Кресса. Член Галактического Совета от человеческих миров Империи ответил не сразу. Вест слышал его шаги.

— Мартин, у меня до встречи семь минут.

— На Солвей напали. Погибла колония.

Шаги стихли.

Вест отправил сводку и дождался, пока Кресс откроет её.

— Кто подтвердил нападение?

— Хейл называет его рабочей версией. Посмотрите запись.

— Кто? Ладно, неважно. Сейчас посмотрю.

Пока Кресс смотрел, пришёл запрос о задержке ещё одного рейса. Вест отложил его: сначала нужно было закончить этот разговор.

— Спасибо, что прислал. Дальше я сам, — сказал Кресс и оборвал связь.

* * *

Закончив разговор с Вестом, Кресс ещё несколько секунд стоял посреди коридора.

Нападение. Неужели Альянс осмелился выступить в открытую? Вест сказал «напали». Хейл сказала «рабочая версия». Между этими словами была пропасть, и в эту пропасть уже завтра хлынут все новостные заголовки.

Надо срочно созвать Галактический Совет.

* * *

В зале было светло. Высокое окно выходило во внутренний двор, стол состоял из отдельных секций с проходами между ними. Лаэр уже занял своё место слева от Кресса. Его секцию подняли выше остальных, и веллар просматривал запись, склонив голову на длинной шее.

Напротив сидел Рахт, сайрский представитель Альянса. Он отодвинул кресло, устраивая сложенные крылья у высокой спинки, и недовольно оглянулся на служителя. Тот остановился с подносом. Рахт коротко мотнул головой, отказываясь от воды, и вернулся к материалам. Крессу он кивнул, не вставая.

На соседнем месте была проекция Ардены. По обе стороны её головы виднелись чувствительные выросты, характерные для эйдран. Миры, от которых она получила мандат, входили в Империю. Сегодня Ардена председательствовала, участвуя с родного мира. Сейчас перед ней была открыта схема транзитных линий.

Унсар явился последним. Он представлял человеческую систему Содружества, но любимым его словом было «мы». В зависимости от разговора оно означало людей, независимые миры или весь Совет.

Он задержался у места Рахта, заглянул в его экран и поморщился.

— Досмотрели? Я только есть сел, когда прислали. До сих пор кусок в горло не идёт.

Сайр закрыл запись, которую Унсар и без того получил вместе со всеми. Тот улыбнулся ему и тяжело опустился в своё кресло. Широкий живот прижал край незастёгнутого пиджака к столу.

Ардена дождалась, пока он устроится, и подала знак секретарю.

— Начнём. Дариан, вам слово.

— Материалы по Солвею у вас, — сказал Кресс. — Мы считаем, что на колонию совершено нападение. Я прошу Совет признать это и рассмотреть угрозу другим населённым системам.

— Сначала установите, что на колонию вообще кто-то напал, — сказал Рахт. — В донесении этого нет.

—Люди в разных поселениях, предположительно, убиты почти одновременно. Купол пробит в нескольких местах.

Кресс включил запись целиком. Несколько минут никто не говорил. Слышно было дыхание оператора, хруст под его ногами. Возле дерева камера задержалась. Ардена подняла руку, и Кресс остановил изображение.

— Это тело внутри ствола?

— Да.

— Что его туда поместило?

— Пока не установлено.

Унсар негромко хихикнул. Кресс недоумённо взглянул на него.

— Прошу прощения? Вас что-то забавляет?

— Нет-нет, что вы, прошу меня простить. — Унсар склонил начинавшую лысеть голову. — Я просто задумался о том, что же могло поместить в дерево этого бедолагу. Какая кошмарная смерть!

Губы его расплылись в улыбке.

Кресс не мог поверить своим ушам. Толстый кретин всегда его раздражал, но это уже было чересчур. Неужели в его системе не нашлось кого-нибудь более подходящего для назначения в Галактический Совет? Как он вообще сюда попал?

Кресс с отвращением смотрел на лоснящееся лицо. Заплывшие поросячьи глазки, отёкшие веки, испарина на лбу, остатки еды на пухлых губах. Омерзительное зрелище. Кресса передёрнуло. В этот момент Унсар поднял глаза и уставился прямо на него.

Кресс поморщился и отвёл взгляд, собираясь продолжить, но через несколько мгновений снова посмотрел на Унсара. Тот не шевелился. Даже не моргал. Кресс почувствовал, как по спине медленно прошёл холод. Какого чёрта этот жирный недоумок на него уставился?

Губы Унсара растянулись в подобие улыбки.

— Прошу вас, продолжайте, Дариан.

Он ещё немного смотрел на Кресса, потом, словно потеряв интерес, принялся разглядывать свои ногти.

Кресс перевёл дыхание. Голос, когда он заговорил, остался ровным, и он был этому рад.

— Прошу уважаемый Совет вернуться к моему вопросу, — начал Кресс. — Я направлю имперскому командованию запрос на развёртывание наших сил в пограничных районах Империи, чтобы предотвратить новые нападения. Пока сообщаю вам об этом намерении.

Рахт откинулся на спинку. Под ней тихо скрипнуло крепление.

— Послушайте, Дариан. Давайте смотреть на вещи объективно, без домыслов. В сводке нет следов вражеского корабля на орбите. Вооружённую группу никто не видел, оружие не определили. Зато вы уже утверждаете, что было нападение.

— Вы предлагаете ждать, пока найдётся запись того, кто это сделал?

— Я предлагаю выяснить, был ли вообще кто-то. Не спорю, произошёл инцидент. Ваши сородичи, так сказать, умерли. Это бесспорно. Отрицать такое после предъявленных вами фактов было бы глупо. Но между смертью и жестоким убийством есть разница, понимаете?

Кресс убрал запись.

— Моя задача — оценивать риски и реагировать на них до того, как они воплотятся в реальности. Я вижу опасность, что подобное повторится с какой-нибудь другой колонией, и обязан позаботиться о защите своих людей.

Он чувствовал, что разговаривает со стеной.

Им всем всё равно. Жалкие бесхребетные ничтожества только и думают, как бы не пошатнулся стул, на котором они так удобно уселись.

Рахт развернул присланную карту. Над столом появилась трёхмерная проекция звёздных систем с узлами Лифтов.

— Где именно вы хотите разместить войска? — Он указал длинным пальцем на несколько точек. — Через эти узлы идут наши грузы. Не окажется ли, что под видом защиты вы начнёте задерживать и досматривать суда?

— Речь о наших пограничных районах, — ответил Кресс. — Места развёртывания определит имперское командование, если удовлетворит запрос. Что касается досмотров, я считаю необходимым проверять входящие суда и пассажиров, которые прилетают на подконтрольные территории из-за пределов Империи. Этот вопрос я тоже поставлю перед командованием.

— Немыслимо! — Сайр щёлкнул клювом. — Вы хотя бы представляете, сколько сайров ежедневно пользуются Лифтами в системах, контролируемых вашей так называемой Империей?

— Прекрасно! — Унсар подался к столу. — Сорок тысяч наших вырезали, а мы уже боимся, что кому-нибудь придётся подождать!

— Наших? — переспросил Рахт.

— Людей! Или мне сначала выяснить, сколько там было граждан моей системы? Почему никто не говорит о самой вероятной версии? Вы же все видели тела! Это сделали эти… — Он вскочил и ткнул толстым пальцем в Рахта. — Птицы!

Рахт мотнул головой и щёлкнул клювом. Он поворачивался к Унсару то одним, то другим глазом, злобно глядя на него.

— Вы что себе позволяете?

— Почему мы обходим версию о сайрах? Она есть в материалах! Вы все её прочли! Или говорить о ней можно только после заседания, когда никто не услышит, что они сделали?! — не унимался Унсар.

Кресс внутренне выругался.

— Пожалуйста, успокойтесь, давайте вернёмся к фактам, — сказала Ардена. — Унсар, сядьте. Рахт, вы хотели задать вопрос.

Сайр положил обе руки на стол.

— Это заключение ваших служб, Кресс?

— Текущая версия. По характеру повреждений купола, тел и предполагаемой скорости нападения. Но… — Кресс замялся. — Биологических следов нападавших пока не выделили.

— У Альянса же есть интересы в этой области! Пусть назовут флотилии, которые там действовали! — Унсар развернулся к Рахту. — Назовут и покажут, где они были! А до сверки закрыть им проход через пограничные узлы, контролируемые Империей. Вам нужна проверка? Так вот она!

Перья у основания шеи Рахта поднялись.

— Вы обвиняете Альянс? И какое вам дело? Вы представляете систему Содружества, а не Империю!

— Я прошу показать, где были ваши части. Вам же нужны факты! Так давайте на них посмотрим. Что касается моей роли… — Унсар расплылся в улыбке. — Я, как достойный представитель рода человеческого, не могу не поддержать своего сородича Дариана в столь скорбную минуту.

Рахт резко подался вперёд. Кресс поднял руку, но сайр заговорил раньше, глядя на него.

— Я не собираюсь раскрывать положение сил Альянса, учитывая наши и без того натянутые отношения. Более того, если Империя задержит хотя бы один корабль Альянса, наши суда получат вооружённую охрану. И если вы решите продолжить, в том же духе, будьте уверены — ответ вам не понравится.

Унсар оглядел зал.

— Слышали? Он нам угрожает! После сорока тысяч погибших ещё и угрожает.

— Вы получили ровно то, к чему вели, — сказал Лаэр. — Велларская делегация не поддержит задержаний и досмотр кораблей. С тем же успехом подозреваемыми могут стать и веллары. Мы давно оставили военные конфликты позади и согласны сосуществовать с цивилизациями, которые ещё пытаются решать разногласия варварскими методами. Но поддерживать подобные меры мы не станем. Хотя наши технологии… — Он окинул взглядом собравшихся. — Наши технологии далеко превосходят ваши.

Кресс отключил уведомления, приходившие из аппарата. Постоянно мигающий в очках индикатор раздражал его.

— Закрывать проход я не предлагал, — сказал он. — Унсар говорит за себя.

— Тогда вернёмся к обсуждению, когда расследование даст результат. — Сайр щёлкнул клювом.

— Мы услышали, с чем вы обратитесь к своему командованию, — мягко сказала Ардена. — Со своей стороны я поддержу ваш запрос об усилении периферийных систем, в части развертывания на них ограниченного контингента. Никаких боевых флотилий. Но объявлять случившееся нападением на Империю и тем более обвинять собравшихся – нет. Досмотра судов не будет. Сначала проверим и досконально изучим обстоятельства.

Ардена открыла изображение дерева и увеличила участок, где тело уходило в ствол. Кресс ждал, пока она его рассмотрит.

— Я выделю специалиста нашей службы узлов для независимой проверки, если он получит исходные записи, — сказала она. — Могли ли сбой или изменения в работе Лифта привести к тому, что мы увидели? Наши миры пользуются той же сетью. Мне нужно знать, можно ли ей доверять.

Лаэр поднял голову.

— Перенос массы через пространство — сложнейшая технология, — начал он поучительным тоном. — Веллары передали низшим цивилизациям знания, необходимые для её освоения, и обучили должным образом обращаться с этой технологией. Перенос безопасен. Если, конечно, — веллар обвел рукой зал, указав по сути на всех собравшихся — эти варвары не перепутали там что-нибудь. Мы окажем вам возможное содействие.

Ардена кивнула.

— Спасибо за объяснение и за ваше участие.

Она перечислила условия проверки и порядок представления заключения. Кресс почти не слушал. Ради технических журналов собирать Совет не требовалось. Он хотел, чтобы здесь признали угрозу, а они согласились посмотреть, исправно ли работало оборудование. Хорошо, что хотя бы дали разрешение на развертывание ограниченного контингента в пограничных с Альянсом системах.

— Решение принято. Не смею вас всех больше задерживать, давайте на этом закончим.

Наконец-то. Кресс поднялся и направился к выходу.

Пока гасла проекция Ардены, Унсар подошёл к Рахту. Наклонился, что-то сказал ему с понимающей улыбкой. Сайр недовольно выслушал, но уходить не стал. Кресс прошёл мимо них.

* * *

Унсар догнал Лаэра у входа в приёмную. Веллар заметил его, но не остановился.

— Я занят.

— И какие же у тебя могут быть дела? Пристроить сорок тысяч новых… поселенцев?

Лаэр задержался у двери кабинета. Сотрудник за столом поднял голову. Несколько мгновений веллар молча смотрел на Унсара, затем отступил, пропуская его внутрь.

В кабинете пахло сухим деревом. У окна стоял поднос с фруктами. Унсар взял один, надкусил и грузно опустился в низкое кресло. Лаэр закрыл дверь и остался стоять возле неё.

— Что тебе нужно, Тассар?

Унсар провёл пальцем под влажной складкой шеи и расстегнул ворот. Он вздохнул с облегчением, как человек, снявший тесные ботинки.

— Ох, эти их пиджаки. Как они в них живут. — Он откусил ещё кусок. — Я чувствую, что начинается заварушка, Элесс. Ты видел, как они сцепились? Птица уже перья распушила. А наш милый Дариан так старался никого не обидеть, что я чуть не прослезился. Вот этому я мешать не намерен.

— Ты пришел сюда обсудить этот балаган, который ты там устроил?

— Смиренно каюсь, не удержался, но позволь сказать в качестве оправдания, что не я посеял семя раздора между ними, но, если уж разгорается пламя, лучше подкинуть дровишек и полюбоваться. — Унсар хихикнул, а потом прямо посмотрел на Лаэра. — Я тоже почувствовал применение Силы. Огонь, да еще какой! — Унсар откусил ещё кусок плода. Сок потёк по его пухлым пальцам. — Но оттого, что они перестанут грызться, опасность не исчезнет. Мне просто интересно, что ты намерен делать?

— Мы ещё можем попытаться это остановить.

— Отсрочить. На тысячу, две, быть может даже пять тысяч лет. А дальше? Ты видел, что происходит. Даже когда у них нет живых проводников, они умудрились его создать, не так ли? — Унсар вытер пальцы о подлокотник кресла. — У меня что-то разыгрался аппетит. К тому же как ты вознамерился им помешать?

Лаэр отошёл от двери. Унсар следил за ним, держа недоеденный фрукт на колене.

— С тобой я это обсуждать не буду, Тассар.

Унсар положил плод на край стола.

— Как знаешь. Мы редко вмешиваемся в дела так явно. Сделаешь открытый ход — другие получат повод войти в игру. Сила всегда притягивает Силу. Ты же знаешь об этом, тем более сейчас ты уязвим.

— Как и ты.

— Предпочитаю быть в гуще событий, несмотря на опасность, — сказал Унсар и хихикнул. Он упёрся ладонью в край стола и поднялся.

Лаэр нахмурился и отошёл в сторону, пропуская толстяка к двери.

Унсар прошёл мимо него и вышел в приёмную. Надкусанный плод остался на краю стола.

Глава 4

Леон Арден нетерпеливо ждал у кабинета Лаэра. Секретарь уже доложил о нём и теперь смотрел в свой экран, поглощённый работой. Кресла у стены оставались пустыми. Леон не собирался садиться: он пришел не на приём.

Из коридора доносились голоса расходившихся после заседания делегатов. Кто-то смеялся. Секретарь приглушил звук на своём терминале, и Леон поднял глаза, ожидая приглашения, но тот только открыл новое сообщение.

Когда дверь наконец открылась, Леон увидел выходящего Унсара. Толстяк остановился на пороге и улыбнулся так широко, словно только его и ждал.

— Леон, — сказал Унсар. — А вас уже вызвали?

— Я сам прихожу, когда считаю нужным.

— Конечно. Сегодня выясняли, не погубила ли колонию чья-нибудь техника. Вовремя вы решили почтить дорогого Лаэра своим вниманием.

Унсар сжал ему предплечье, как старому знакомому. Леон брезгливо высвободил руку и, подождав несколько мгновений, достал платок и старательно стёр следы прикосновения. Пусть смотрит. Здесь не приём, на котором ради приличия приходится терпеть любого выскочку из СНС. Унсар всё ещё улыбался. Сложив платок, Леон дал знак секретарю и вошёл в кабинет.

Здесь пахло сухим деревом и фруктами. Надкусанный плод лежал на краю стола, прямо на тёмной столешнице. Из влажной мякоти медленно выступала капля. Леон посмотрел на низкое кресло перед столом. На подлокотнике блестел след чьих-то пальцев. Он обошёл его и сел в соседнее.

Лаэр стоял у окна, возле подноса с фруктами. Отсюда были видны ярусы противоположного крыла Совета и узкая полоса внутреннего двора далеко внизу. Веллар оставил окно открытым, прошёл к своему высокому креслу и снял со спинки свёрнутую ткань. Сев, положил её на колени. В его кабинете всегда было прохладнее, чем в приёмной.

По светлой стене справа шла проекция транспортной сети. Подсвеченные линии сходились к узлам, возле нескольких теснились отметки «Меридиана». Леон скользнул взглядом по знакомой развилке. Там ещё недавно не хватало пропускной способности. Теперь движение шло без задержек. Хоть что-то за эти дни работало как следует.

— Я не задержу вас, — сказал он, доставая передатчик. — Редактор получит эту сводку к вечеру. Нужно поговорить с ним сейчас, пока он не успел сделать из неё сенсацию.

Лаэр отвёл в сторону узкую чашку. На дереве под ней остался круглый след, вписанный в несколько старых, едва заметных колец. Леон отправил файл по личному каналу Лаэра. Терминал на столе подал тихий сигнал. Веллар открыл сообщение и вывел текст в проекцию перед собой. Леон уже дважды прочёл эти несколько абзацев и всё равно смотрел на них с раздражением. О лаборатории на Солвее знало слишком много людей. Точнее, существ. Это надо прекратить.

— О том, что там располагалась экспериментальная лаборатория не должны узнать, — продолжил он.

— С редактором я поговорю сегодня. Попрошу выяснить через имперские службы, кому ушла сводка.

Лаэр дочитал сводку. Длинная шея чуть согнулась, когда он придвинул текст ближе.

— Это для редактора, — сказал Леон и отправил по тому же каналу второй файл. — Вы сможете сослаться на принятое решение Совета.

Лаэр сменил сводку коротким заявлением. «Меридиан» готов содействовать проверке узла переноса. Причины происшедшего выясняются. Последняя строка сообщала, что основания опасаться за население отсутствуют.

Лаэр прочёл эту строку дважды. Потом брезгливо снял со стола надкусанный плод и бросил в биологический утилизатор. Вернувшись, он вытер влажный след краем салфетки. Всё это без единого слова, пока перед Леоном продолжал светиться составленный для него текст.

Леон уже собирался вставать, но Лаэр жестом прервал его.

— Леон, я буду с вами откровенен. У людей погибла колония. Заботы низших цивилизаций обычно мало меня занимают, но я представляю в Совете интересы Империи от лица велларов.

Леон откинулся в кресле. Спинка оказалась ниже, чем ему хотелось. Плечам не на что было опереться.

— Я видел запись, которую Кресс продемонстрировал Совету, — продолжил Лаэр, — и, несмотря на весь тот балаган, который пытался устроить этот, — Лаэр запнулся и поморщился, — один из *ваших*, несмотря на это я не могу не видеть, что на Империю было совершено нападение. И тот факт, что на Солвее располагалась ваша исследовательская лаборатория, где вы испытывали преобразование тёмной материи в энергию делает это нападение гораздо серьёзнее, чем вы можете себе хотя бы представить.

— Откуда вы знаете, что мы испытывали?

Лаэр молчал.

Кто-то успел поговорить с ним раньше. Леон вспомнил улыбающегося Унсара у двери и тут же отбросил эту мысль.

— Есть ли у вас ещё такие проекты? — спросил Лаэр.

Леон медленно выпрямился. Он не помнил, чтобы Лаэр прежде позволял себе такой тон наедине с ним. Возражал — да. Но не допрашивал.

— Не забывайте, кто добился вашего назначения, Лаэр. Мне нужен был соратник, который будет представлять интересы «Меридиана» в Совете. Если у вас есть сомнения, мы их обсудим.

Лаэр взял чашку, не поднося ко рту. Его пальцы легли на потёртое место у основания ручки.

— И я благодарен вам, за поддержку, но, как я и сказал, я представляю интересы Империи от лица велларов в Совете. Ваши испытания опасны, остановите программу, Леон.

— Вы сейчас говорите как мой соратник или как член Совета?

Лаэр задумчиво потёр пальцем ободок чашки.

— По правде говоря, я никогда не был вашим соратником, Леон. Но, поверьте мне, я говорю не из корысти — это действительно важно. Ни ваша компания, ни Совет — ничто из этого не будет иметь значения, если вы продолжите ваши эксперименты. Вы как ребёнок, который играет с огнём и пытается поджечь сухое дерево. Вы радуетесь первым всполохам пламени, а в следующий миг уже в ужасе зовёте на помощь, потому что не в силах совладать со стихией. Но помощь не придёт, Леон. Кроме того, вы привлекаете своими действиями ненужное внимание. Вы сидите в тёмном поле и думаете, что вокруг никого нет, но это не так. В этом тёмном поле, говоря вашим языком, водятся хищники и пламя их привлекает. Недавно вы чиркнули спичкой — и это заметили. Нет, не хищники — такие же дети. Но, если вы продолжите, будьте уверены, что последствия не заставят себя долго ждать.

Леон задержал взгляд на его лице. Советник говорил спокойно. Это что, шутка какая-то?

— Вы представляете, чего просите? «Меридиан» существует благодаря исследованиям тёмной материи. Это не ларёк с продуктами, Лаэр. Мы построили вот это всё! — Леон обвёл рукой проекцию сети. — Лифты, орбитальные станции, линии между мирами!

Лаэр поставил чашку.

— Мы открыли вам межзвёздное перемещение. Возможность добраться до другого мира и вернуться домой, не состарившись в дороге. Вы получили знания о тёмной материи от вел-

ларов в первую очередь для этого. Возможность колонизировать другие звёздные системы у вас появилась именно благодаря этой технологии. Но…

Леон хотел было вставить слово, но веллар предупредительно поднял руку, останавливая его.

— Но мы, как и вы, не всегда жили в мире. История велларской цивилизации знала масштабные военные столкновения. Движимые низменными инстинктами, присущим всем живым организмам, мы сражались за еду, ресурсы, власть, за территории. Это было тёмное время раздора и противоречий. Но сейчас, — Лаэр на мгновение повысил голос, пресекая попытку Леона перебить его, — мы превзошли свои низменные инстинкты и движимы развитием.

— И это самое развитие вы просите нас остановить, — сказал наконец Леон.

— Давайте будем честны хотя бы здесь. Вы построили компанию ради выгоды. Своей и, возможно, окружающих вас людей, вашей семьи.

— И вы тоже получаете часть этой выгоды, — парировал Леон. — Не забывайте об этом.

Лаэр поморщился.

— Кажется, мы по-разному понимаем, что значит развитие.

— Ну так просветите меня.

— Когда мы передали вам технологию, мы ожидали, что вы будете использовать ее для колонизации, перемещения к дальним звездным системам, но вы пошли другим путём. Нет, я не спорю, вы действительно построили Лифты и, — тут веллар склонил голову, — вы даже сделали их достойно, не хуже наших собственных конструкций. С нашей помощью, конечно, но всё же. Но вместе с тем вы не перестаете искать разные способы истребления друг друга и нашли способ перевернуть эту технологию так, что она становится опасна.

— Войны не закончатся оттого, что я сверну одну программу. Через сто, двести или тысячу лет будут воевать так же, как сейчас. Оружие может быть разным, но суть не изменится. Я лишь предоставляю инструмент для эффективного ведения этих войн. И, как и вы, не хотел бы, чтобы он оказался в руках пиратов. — Леон поморщился.

— Все наши миры входят в Империю, Леон. Вы об этом задумывались?

— Какое это имеет отношение к нашему разговору?

— Кресс представляет интересы Империи от лица людей, а этот ваш… как его там… Унсар представляет, как ему кажется, интересы СНС от лица людей. Также в Альянсе есть представитель людей. Понимаете, к чему я? Вы даже внутри своей цивилизации раздираемы внутренними противоречиями. Когда мы начали делиться с вами технологиями, мы ожидали, что вы будете брать с нас пример, но вместо этого вы пытаетесь решать ваши внутренние конфликты с помощью силы. И направляете огромные ресурсы для поиска всё более и более могущественных сил, способных сеять хаос и разрушения. Но вы не учитываете один аспект, Леон, вы думаете, что, научившись преобразовывать тёмную энергию в силу огня, или любую другую стихию, вы получите могущество. Может и так, вы устрашите таких же низших цивилизаций и, быть может, даже подчините их своей воле. Но вы не получите того могущества, о котором вы мечтаете — вы не получите власти над всем сущим, потому что Сила всегда притягивает еще большую Силу, даже если вы не знаете о её существовании.

Из открытого окна донёсся короткий гул проходившей над двором платформы. Леон невольно взглянул на карту.

— Лаэр, ничего не изменится. Даже если я закрою корпорацию, появятся другие. Займут моё место и будут отхватывать свои лакомые куски. Я не собираюсь сворачивать свои самые передовые и столь перспективные разработки из-за ваших религиозных убеждений. Посмотрел бы я, как вы рассуждали бы, окажись рядом с вами более могущественный противник. Где были бы тогда ваши пацифистские лозунги?

— Вы что, собираетесь воевать со всеми цивилизациями? — Лаэр отодвинул чашку к краю стола.

— Я не это хотел сказать, Лаэр.

Лаэр вздохнул, положил ладони на стол и скрестил пальцы.

— Как член Совета я буду добиваться, чтобы веллары прекратили передачу новых технологий низшим расам.

Леон посмотрел на него внимательнее. Ну, хотя бы сказал напрямую. Под угрозой оказались новые разработки, обучение, доступ к тому, что позволяло расширять сеть. «Меридиан» тесно сотрудничал с велларами. Заменить их собственными специалистами за один день не получится.

— Низшим, — повторил он. — Когда вы добивались голосов за своё назначение, мы не казались вам настолько неразумными.

— Ваш вектор развития не оправдал наших ожиданий.

— А вам кто дал право решать, в какую сторону развиваться разумным цивилизациям?

Лаэр подался вперёд, заслонив собой светящийся текст. На мгновение Леон увидел вместо строк его подбородок, сжатый рот, глаза, смотревшие совсем близко.

— Может когда-нибудь ваш недоразвитый мозг сможет осознать, что я пытаюсь спасти тот шаткий мир, в котором мы с вами живём, но я опасаюсь, что если это и впрямь произойдёт, и вы всецело осознаете свои ошибки, то нам всем уже будет не помочь. И да, не беспокойтесь, мир не узнает о том, что Меридиан делал на Солвее.

Леон выдержал его взгляд. Веллары славились своим высокомерным отношениям к другим, но таким он Лаэра ещё не видел.

Веллар откинулся в кресле.

— Корпорация Меридиан обладает компетентным штатом собственных учёных и инженеров, — сказал Леон. — Мы сможем продолжить исследования и разработки и без помощи велларов.

Леон поднялся. На кресле остались влажные отпечатки ладоней.

Проклятый инсектоид. Низшие расы. Ещё посмотрим, кто тут низший, высокомерный кретин.

В коридоре он набрал Нику. Дождался, пока вызов оборвётся, и набрал ещё раз. Ответа не было.

Проклятье, Ника. Куда ты делась?

Он позвонил Хейл. Она ответила почти сразу.

— Хейл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.